

Федеральное государственное автономное  
образовательное учреждение  
высшего образования  
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации  
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации  
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ  
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК  
\_\_\_\_\_ О.В. Магировская  
«\_\_\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА  
**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *MISFORTUNE* В ИДИОСТИЛЕ  
Д. ХЭНДЛЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ КНИГ  
“A SERIES OF UNFORTUNATE EVENTS”)**

Выпускник \_\_\_\_\_ Е.И. Абакумова

Научный руководитель \_\_\_\_\_ канд. пед. наук,  
доц. каф. ТГЯиМКК  
Е.В. Еремина

Нормоконтролер \_\_\_\_\_ М.В. Файзулаева

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>ВВЕДЕНИЕ.....</b>	<b>3</b>
<b>ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА В ИДИОСТИЛЕ СОВРЕМЕННОГО ПИСАТЕЛЯ.....</b>	<b>6</b>
1.1. Познавательные процессы как основа формирования концептуального знания.....	6
1.2. Проблема определения термина «концепт» в современной лингвистике.....	8
1.3. Специфика структуры концепта в лингвистических исследованиях .	13
1.4. Проблема типологии концептов в современной лингвистике.....	17
1.5. Методы исследования и актуализации концептов.....	25
1.6. Понятие «идиостиль» в лингвистических исследованиях .....	29
1.7. Место Дэниела Хэндлера в истории детской литературы .....	31
<b>ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....</b>	<b>38</b>
<b>ГЛАВА 2. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА <i>MISFORTUNE</i> В ИДИОСТИЛЕ Д. ХЭНДЛЕРА .....</b>	<b>40</b>
2.1. Особенности семантики имени концепта MISFORTUNE.....	40
2.2. Понятие «событие» и специфика его структуры .....	47
2.3. Репрезентация косвенного наблюдателя в “A Series of Unfortunate Events” .....	55
2.4. Репрезентация пространственной локализации в “A Series of Unfortunate Events” .....	57
2.5. Репрезентация субъекта и объекта события в “A Series of Unfortunate Events” .....	60
2.6. Репрезентация результата события в “A Series of Unfortunate Events” .....	65
2.7. Репрезентация оценочной составляющей события в “A Series of Unfortunate Events” .....	69
<b>ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....</b>	<b>72</b>
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....</b>	<b>74</b>
<b>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....</b>	<b>78</b>
<b>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ .....</b>	<b>84</b>
<b>СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....</b>	<b>85</b>

## ВВЕДЕНИЕ

Каждый носитель английского языка трактует абстрактное существительное *misfortune* по-своему. Пытаясь понять и объяснить его значение, человек может или философски осмыслить реалию, скрывающуюся за словом *misfortune*, или провести параллель между лексемой и конкретным жизненным явлением.

Понятия «счастье» и «несчастье» неоднократно становились предметом исследования психологов, философов и т.д. Особый интерес эти понятия вызывают у лингвистов. Во многих лингвистических исследованиях концепты СЧАСТЬЕ и НЕСЧАСТЬЕ, HAPPINESS и UNHAPPINESS, синонимичные концепту MISFORTUNE и средства их репрезентации в языке, в т.ч. в текстах художественной литературы, ориентированной на взрослого читателя, рассматриваются в рамках бинарной оппозиции или синонимического ряда. Однако количество работ, посвященных исключительно концепту MISFORTUNE и его репрезентации в англоязычной детской литературе, ограничено, и именно этим обусловлена **актуальность** нашего исследования.

**Объектом** исследования является концепт MISFORTUNE.

**Предметом** настоящего исследования выступают языковые средства актуализации концепта MISFORTUNE в идиостиле Д. Хэндлера.

**Цель** исследования заключается в комплексном описании концепта MISFORTUNE и языковых средств его актуализации в идиостиле Д. Хэндлера.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- 1) ознакомиться с познавательными процессами человеческого сознания как с основой формирования концептуального знания;
- 2) рассмотреть термин «концепт» в современных лингвистических исследованиях;

- 3) выявить структурную специфику концептов;
- 4) изучить существующие типологии концептов, методы их исследования и актуализации;
- 5) рассмотреть содержание термина «идиостиль» в современных лингвистических исследованиях;
- 6) ознакомиться с биографией Д. Хэндлера;
- 7) рассмотреть семантику имени концепта MISFORTUNE;
- 8) ознакомиться с понятием «событие» и спецификой его структуры;
- 9) определить языковые способы актуализации концепта MISFORTUNE в идиостиле Д. Хэндлера.

**Основным методом исследования** в нашей работе является концептуальный анализ – комплексный способ исследования, фиксирования и объяснения концептуальной системы, включающий в себя некоторые другие методы, например контекстуальный и дефиниционный анализы.

**Теоретической базой** нашего исследования послужили научные труды в области когнитивной лингвистики, семантики, лингвокультурологии, идиостилистики, стилистики и др. В современном лингвистическом сообществе проблема анализа концептов занимает особое место. Работы таких ученых, как А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Д.Р. Валеева, Л.М. Веккер, С.Г. Воркачев, Ю.Г. Гладких, В.З. Демьянков, А.И. Ефимов, В.И. Карасик, В.А. Маслова, М.В. Никитин, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Е.В. Старкова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов и др. вносят значимый вклад в изучение теории концептов, идиостилистики, семантики и т.д.

**Практическая значимость** выпускной квалификационной работы состоит в возможности её использования в рамках курса зарубежной литературы, на занятиях по стилистике, психолингвистике, когнитивной лингвистике и т.д.

**Фактическим материалом** исследования послужила серия детских книг Д. Хэндлера “A Series of Unfortunate Events”, состоящая из 13 произведений, общим объемом в 3379 страниц.

**Структура** выпускной квалификационной работы определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей и списка источников иллюстративного материала.

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, формулируются объект, предмет, цель и задачи работы, определяются методы исследования, характеризуется практическая значимость исследования и его фактический материал.

**Первая глава** посвящена теоретическим основам изучения концепта в идиостиле в современной лингвистике. В ней рассматриваются такие ключевые для работы понятия как «концепт» и «идиостиль», детально описывается феномен познавательных процессов, исследуется специфика структуры концепта, приводятся различные типологии концептов и методы их исследования, а также описывается история отечественной и зарубежной детской литературы и вклад писателя Д. Хэндлера в американскую детскую литературу.

**Вторая глава** посвящена актуализации концепта MISFORTUNE в идиостиле Д. Хэндлера. В ней рассматриваются особенности семантики имени изучаемого концепта, термин «событие» и специфика его структуры и комплексно описываются языковые средства актуализации изучаемого концепта в идиостиле Д. Хэндлера.

В **Заключении** обобщаются основные результаты выпускной квалификационной работы. В списке использованной литературы содержатся наименования научных трудов, послуживших теоретической базой исследования.

Результаты исследовательской работы «Лексические средства актуализации концепта *MISFORTUNE* в идиостиле Д. Хэндлера (на материале серии книг “A Series of Unfortunate Events”)» были представлены на II Международном Форуме языков и культур (Красноярск, 2021).

# ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА В ИДИОСТИЛЕ СОВРЕМЕННОГО ПИСАТЕЛЯ

## 1.1. Познавательные процессы как основа формирования концептуального знания

Познавательные процессы дают человеку более или менее объективные знания об окружающем его мире. Именно благодаря этим процессам человек способен получать, хранить и воспроизводить информацию. Известный советский и американский психолог Л.М. Веккер разработал единую теорию психических процессов, в рамках которой им же была создана очень удобная классификация познавательных процессов, свойственных человеку.

Л.М. Веккер различал две группы процессов. Первая группа называется собственно-познавательные процессы (см. Рис. 1). Они непосредственно дают нам информацию об окружающем мире на разных уровнях. Вторую группу Л.М. Веккер назвал сквозными процессами, так как они буквально пронизывают все наше познание и организуют полученные нами знания вдоль оси психологического времени, тем самым формируя психологическое прошлое, настоящее и будущее человека [Веккер, 1998].

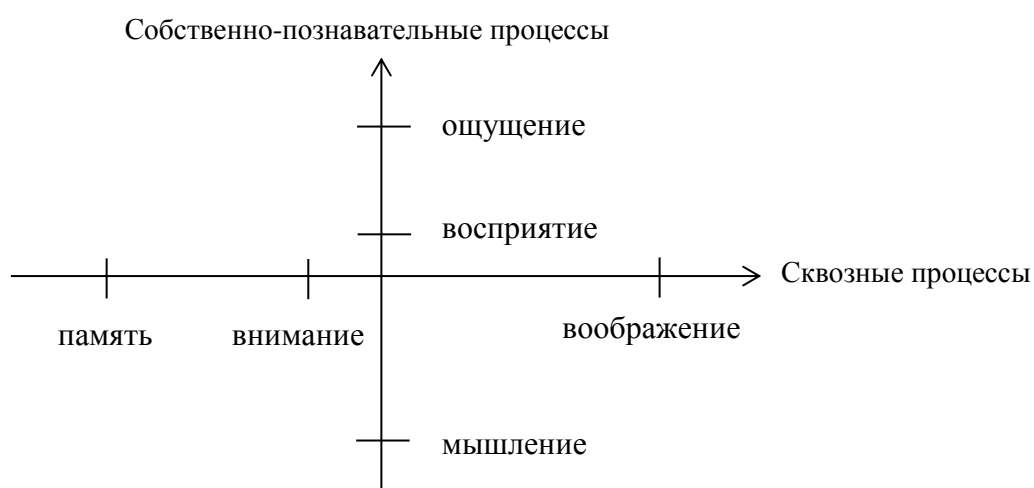


Рисунок 1. Собственно-познавательные процессы

В рамках нашего исследования стоит подробно рассмотреть лишь первую выделенную группу, так как процесс концептуализации, то есть

осмысления и закрепления результатов познания в виде концептов [Болдырев, 2019], относится к собственно–познавательным процессам.

Первая группа познавательных процессов содержит в себе три компонента, которые соответствуют трем уровням сложности получаемых нами знаний. Самый простой уровень представляет собой получение сведений об отдельных свойствах предметов окружающей среды. Мы можем без труда отличить горячее от холодного, горькое от сладкого, яркое от тусклого. Такого рода сведения мы получаем с помощью процесса под названием *ощущение*. Английский физиолог и нейробиолог Чарльз Шеррингтон предложил классификацию ощущений. Ученый взял за основу характер отражения и место расположения рецепторов и разделил ощущения на 3 группы: экстероцептивные ощущения, отражающие свойства предметов и явления окружающего мира и возникающие при воздействии раздражителя на рецепторы, расположенные на поверхности тела; проприоцептивные ощущения, отражающие движения и расположение тела в пространстве, благодаря рецепторам, расположенным в мышцах, связках и вестибулярном аппарате; интероцептивные (или органические) ощущения, возникающие при воздействии раздражителя на рецепторы во внутренних органах и тканях, и отражающие внутренние состояния организма [Webb, 2017].

На уровень выше стоит процесс *восприятия*, который довольно тесно связан с ощущением. Восприятие строится на чувственных данных ощущений, доставляемых нашими органами чувств под воздействием внешних раздражителей, действующих в тот или иной момент времени. Результатом данного процесса являются сформированные целостные образы различных предметов окружающей среды [Рубинштейн, 2007]. Именно поэтому восприятие для нас является ведущим познавательным процессом. Стоит заметить, что поступающие к человеку сведения всегда преломляются через призму уже существующих в его голове знаний. Следовательно, в

процессе построения образов значительную роль играет субъективный аспект, то есть то, что сам человек вкладывает в получившийся образ.

Последним познавательным процессом в этой группе является *мышление*. При помощи мышления мы соотносим данные полученные нами в процессах ощущения и восприятия, сопоставляем, сравниваем, различаем, раскрываем, выделяем наиболее существенные свойства объектов окружающей среды, с точки зрения решаемой нами задачи. Мышление позволяет нам глубже познать действительность [Там же, 2007].

Концептуализация является неотъемлемой частью собственно-познавательных процессов, т.к. концепты формируются в сознании человека в процессе восприятия мира и взаимодействия с ним. Впоследствии все накопленные знания и результаты познавательного опыта человек выражает с помощью языка.

Таким образом, собственно-познавательные и сквозные познавательные процессы обеспечивают получение, хранение и воспроизводство информации, поступающей в сознание из окружающей нас действительности. Действие собственно-познавательных процессов приводит к осмыслению и закреплению этой информации в виде концептов, т.е. «квантов» знаний.

## 1.2. Проблема определения термина «концепт» в современной лингвистике

Центральным термином исследований в области когнитивной лингвистики, когнитивной семантики и лингвокультурологии является термин «концепт». Концепт является невероятно сложным, многоуровневым ментальным образованием с не менее сложной структурой, что значительно затрудняет четкое определение самого термина.

Термин «концепт» развивается на протяжении многих столетий. Подробно история употребления и эволюции семантической структуры



концепта была описана В.З. Демьянковым в работе «Термин «концепт» как элемент терминологической культуры» [Демьянков, 2007]. Так, в текстах классической и средневековой латыни слово *conceptus* и его производные имеют общую сему «зародыш», которая употреблялась в метафорическом смысле как «зародыш мысли».

В итальянском языке термин «концепт» долгое время употреблялся в значении «зачатый», однако уже в 13-14 вв. прослеживается значение «понятый, понимаемый как...». В современном итальянском языке у слова *concetto* ведущими значениями являются 1) понятие, представление, суждение, мнение; 2) воззрение, концепция, понимание; 3) замысел, идея, план, проект; 4) репутация; 5) экстравагантный художественный образ, метафора. Примерно также термин развивался и в испанском языке.

В английском языке слово *concept* зафиксировано в толковых словарях со значением «понятие, идея, общее представление, концепция» [Там же, 2007: 613].

В двадцатом веке возникают расширенные трактовки термина «концепт». Так, религиозный философ и метафизик С.А. Аскольдов определял его как мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Ученый также был убежден в том, что концепты – это «почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей» [Аскольдов, 1928: 34].

Продолжая рассуждать над идеями, высказанными С.А. Аскольдовым, Д.С. Лихачев предложил считать концепт своеобразным «алгебраическим выражением», которым мы оперируем в своей письменной и устной речи. Ведь порой человек не успевает охватить значение того или иного слова, а иногда по своему интерпретирует его в зависимости от образования, личного опыта и т.д. [Лихачев, 1993], т.е. это «алгебраическое выражение» может различаться от человека к человеку.

Во второй половине двадцатого века складываются два основных подхода к пониманию термина «концепт» – когнитивный и

лингвокультурологический. В рамках когнитивного подхода концепт понимается как идеальная абстрактная единица, которая формируется в человеческом сознании при обработке поступающей извне информации. По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концептом следует называть «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007].

В свою очередь А.П. Бабушкин в своих трудах определяет концепт как «любую дискретную содержательную единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира, хранимого в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата» [Бабушкин, 1997].

Одним из наиболее разработанных и признанных является определение концепта Н.Н. Болдырева, который понимает под концептом единицу концептуального содержания, выделяемую человеком в процессе познания с целью последующей передачи в языковой форме или дальнейшего накопления [Болдырев, 2019]. Отталкиваясь от этого определения, можно сравнить наше сознание с жестким диском, а концепты с файлами на нем, ведь дальнейшее накопление информации предполагает определенное форматирование единиц знания, а также структурную организацию в процессе их хранения.

В рамках лингвокультурологического подхода концепт рассматривается в качестве мыслительной единицы, которая формируется в сознании человека под влиянием многих факторов. Однако ведущим фактором признается культура. Поясним, что культура представляет собой

«комплекс убеждений, верований, ценностей, базовых концептов (представлений о вселенной, времени, пространстве и т.д.) этических и эстетических норм, в совокупности формирующих концептосферу человека и определяющих его поведение в обществе» [Добричев и др., 2013: 40].

С.Г. Воркачев определяет концепт как отдельный предмет коллективного сознания, направляющий к высшим сущностям, имеющий выражение в языке и отмеченный этнокультурным свойством. Ученый также убежден в том, что единственным смыслом терминологизации слова «концепт» является необходимость в соотнесении семантических единиц с языковой личностью, которая является представителем национального менталитета [Воркачев, 2004].

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин определяют лингвокультурный концепт с позиции его базовых характеристик. В своих трудах исследователи выделяют десять базовых характеристик концепта, однако ведущими являются ментальная природа концепта, так как концепт находится в сознании человека, где, по мнению ученых, и осуществляется взаимодействие языка и культуры, а также наличие в нем ценностного элемента. Ученые полагают, что центром концепта всегда является ценность, по скольку в основе культуры, исследованию которой служит сам концепт, лежит именно ценностный принцип [Карасик, Слышкин, 2005].

В.А. Маслова под концептами подразумевает обусловленные культурой основные элементы картины мира, которые обладают значимостью и для языковой личности, и для лингвокультурного сообщества. Она также выделяет существование наиболее актуальных, ключевых концептов культуры, занимающих особое место в языковом сознании народа [Маслова, 2001].

В современной лингвистике большое внимание также уделяется изучению художественных текстов с точки зрения мировосприятия автора. На пересечении лингвистики и литературоведения рождается термин «художественный концепт».

Художественный текст может рассматриваться как один из способов объективации индивидуально-авторской картины мира [Колшанский, 1980]. Рассуждая в этом ключе, можно опираться на определение художественного концепта, предложенное В.В. Красных. Исследователь понимает художественный концепт как «глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста» [Красных, 1998: 202].

Термин «художественный концепт» имеет и другие трактовки. На пересечении когнитивной поэтики и психолингвистики лежит определение О.Е. Беспаловой. Ученый убеждена, что художественным концептом является единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений [Беспалова, 2002].

В рамках лингвокультурологического подхода концепт представляет собой элемент национальной художественной традиции. Наиболее оригинальную трактовку предлагает Л.В. Миллер. Она определяет художественный концепт как ментальное образование, принадлежащее «не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [Миллер, 2000: 42].

Итак, в течение нескольких столетий в концепте преобладала идейная составляющая, однако развитие научной мысли привело к формированию различных школ и направлений. В рамках когнитивной лингвистики концепты являются ментальными образованиями, базовыми единицами мышления человека с определенной структурой, которые формируются в

процессе познания мира. Эти единицы хранятся в нашем сознании, и, впоследствии, мы можем оперировать ими, и даже формировать новые за счет уже существующих. В лингвокультурологии концепты считаются элементами национальной картины мира, предметами коллективного сознания, обусловленными культурой и традициями того или иного народа. Исследователи художественных текстов как объективизаций индивидуально-авторской картины мира вводят термин «художественный концепт», который трактуется как единица сознания писателя, находящая отражение в его произведениях. Далее перейдем к рассмотрению специфики структуры концепта.

### 1.3. Специфика структуры концепта в лингвистических исследованиях

Чтобы тщательно изучить такое сложное ментальное образование как концепт, требуется провести определенные аналитические процедуры для того, чтобы выяснить, что этот концепт составляет, какова его структура. Структура концепта является предметом дискуссии среди исследователей, поэтому существует множество различных мнений касательно того, что именно входит в концепт как единицу знания.

Так, Ю.С. Степанов выделяет три «слоя» в структуре концепта: активный, пассивный и этимологический (см. Диаграмма 1).

#### Структура концепта по Ю.С. Степанову

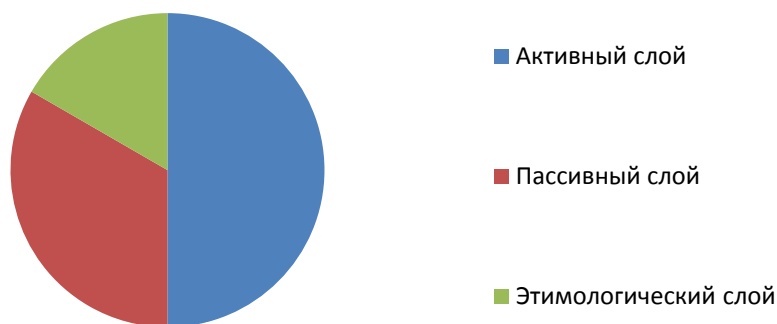


Диаграмма 1. Структура концепта по Ю.С. Степанову

Активный слой известен всем носителям языка и актуален как средство общения и взаимопонимания. Пассивный слой становится актуальным при общении людей внутри определенной социальной группы. Наконец, этимологический слой, или внутренняя форма концепта, в полной мере раскрывается лишь исследователям, а для всех остальных он существует опосредованно. Ю.С. Степанов объясняет свою точку зрения на примере того, как мы воспринимаем 23 февраля. Всему обществу известно, что 23 февраля – это ежегодный «праздник мужчин». Данная информация формирует активный слой концепта 23 ФЕВРАЛЯ. Отдельным носителям языка и культуры известно, что 23 февраля – это «День Советской Армии», т.е. день военных. Этот концепт становится еще более актуальным в социальной группе военных за счет информации, составляющей содержание его пассивного слоя. Историкам известен этимологический слой концепта 23 ФЕВРАЛЯ, а именно более глубокая информация о том, что 23 февраля 1918 г. Красной Армией была одержана крупная победа над немецкими войсками. Так Ю.С. Степановым были раскрыты все три слоя концепта 23 ФЕВРАЛЯ [Степанов, 2004].

Изучая характер и природу ассоциаций, входящих в структуру лингвокультурного концепта, Г.Г. Слышкин предлагает иную структуру концепта, связанную с непрерывной номинацией и реноминацией объектов, появлением новых и исчезновением старых ассоциативных связей между языковыми единицами и объектами реального мира [Слышкин, 2004]. Г.Г. Слышкин убежден, что концепт имеет интразону, т.е. совокупность входящих смысловых ассоциаций, и экстразону – исходящие смысловые ассоциации. Согласно этим двум элементам ученый подразделяет концепты на несколько категорий [Там же, 2004].

Таблица 1. Структура концептов по Г.Г. Слышкину

Категории концептов	Функционирование интра- и экстразоны концептов
Пропорциональные	Обогащается как интразона концепта, так и его экстразона.
Сформировавшиеся	Концепты со сформированной интразоной, но экстразона продолжает функционировать.
Формирующиеся	Концепты, имеющие развитую интразону, но не имеющие экстразону.
Предельные	Интразона концепта постоянно расширяется, однако экстразона отсутствует в виду высокой степени абстрактности концепта.
Рудиментарные	Концепты, почти полностью утратившие свою интразону, и сохранившиеся в составе отдельных единиц своей экстразоны.

Изучая лингвокультурный концепт, В.И. Карасик приходит к выводу, что в его структуре можно выделить три составляющие: образную, понятийную и ценностную [Карасик, 1996]. Образная составляющая трактуется в трудах ученого как «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» [Карасик, 2005: 27]; а понятийная как «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [Кононова; цит. по: Карасик, 1996: 4]. За ценностной составляющей концепта скрываются ее аспекты оценочности и актуальности. В.И. Карасик считает ценностную составляющую концепта доминирующей, поскольку она наиболее культурно значима (см. Схема 1).

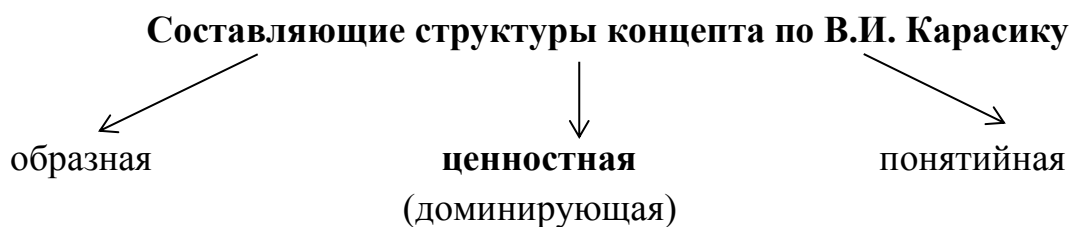


Схема 1. Составляющие структуры концепта по В.И. Карасику

Иная точка зрения принадлежит З.Д. Поповой и И.А. Стернину. Опыт их исследований показал, что концепт состоит из трех базовых компонентов:

образ, информационное содержание и интерпретационное поле. По мнению исследователей, образный компонент концепта не однороден, поскольку формирование образного компонента концепта при обработке действительности происходит с помощью различных органов чувств. *Красная роза, кислый лимон, острая игла* – все это примеры образов, поступающих в наше сознание через зрение, вкус, осязание и т.д. Также образ может возникнуть при метафорическом осмыслении того или иного предмета или явления. Это касается абстрактных концептов внутреннего мира человека таких, как ДУША, ДОМ, СВОБОДА и др.

Информационное содержание концепта представляет собой набор наиболее содержательных признаков концептуализируемого предмета или явления, его важнейшие дифференциальные черты или функции. Порой информационное содержание концепта очень близко к словарной дефиниции его ключевого слова. Если мы говорим о шубе, то самое содержательное в этом предмете то, что это верхняя одежда, сделанная из меха. В свою очередь, дифференциальными признаками Лондона будут являться его статус города и столицы Объединенного Королевства [Попова, Стернин, 2007].

Интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки, которые так или иначе интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание. Близкие по содержанию признаки объединяются в зоны, которых в интерпретирующем поле несколько. Наличие этих зон объясняется неоднородностью интерпретирующего поля, ведь один и тот же концепт может интерпретироваться в разных условиях, в разные исторические периоды, разными носителями языка [Там же, 2007].

Исследованием структуры концепта также занимается С.Г. Воркачев. Он выделяет в структуре концепта три компонента: понятийный, образный и собственно языковой. Согласно его трудам, культурный концепт, имеющий лишь понятийную составляющую, за некоторый промежуток времени может эволюционировать в лингвокультурный концепт. Соответственно,



эволюционирует и его структура. В результате к понятийной составляющей концепта, что отражает дефиниционно существенные признаки объекта, добавляются образная, включающая культурно значимые символические и ценностные смыслы, и собственно языковая, которую можно назвать «значимостной» – отражающей наличие имени концепта в лексической системе конкретного естественного языка [Воркачев, 2014].

Таким образом, структура концепта включает в себя базовые компоненты разной природы. Стоит обратить внимание на закономерность в исследованиях вышеупомянутых лингвистов. Большинство исследователей вычленяют в структуре концепта образ, информативную или понятийную составляющую и прочие составляющие. Все описанные структуры не являются взаимоисключающими, ведь наличие множества точек зрения относительно структуры концепта свидетельствует о том, что концепт – это многомерное ментальное образование.

#### 1.4. Проблема типологии концептов в современной лингвистике

Как уже было отмечено, человек мыслит концептами. В каждой лингвокультуре присутствует система концептов, которые вступают между собой в разные связи. С помощью этой системы носители языка воспринимают, структурируют и интерпретируют поступающую информацию. Так как концепт имеет сложный, абстрактный характер, существует большое количество разнообразных типологий, фокусирующихся на природе концептов, их содержании, функционировании и т.д.

Одной из наиболее общих классификаций является классификация, предлагаемая З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. Лингвисты утверждают, что с точки зрения «наблюдаемости» концептов для человека их можно разделить на вербализованные и невербализованные. Вербализованные концепты имеют устойчивые языковые средства выражения и постоянно фигурируют в процессе коммуникации в присущих им языковых формах.

Невераблизированные концепты же не имеют стандартных средств выражения в системе языка, они могут выражаться косвенно или искусственно в условиях принудительно поставленной задачи [Попова, Стернин, 2007]. Причиной вербализации или невербализации концепта является его коммуникативная релевантность. В.И. Карасик ввел термин «номинативная плотность» концепта, что означает наличие большого количества единиц его номинации [Карасик, 2002]. Чем концепт актуальнее в сознании народа, тем чаще он вербализуется, соответственно тем больше его номинативная плотность. Одними из наиболее актуальных концептов для русской лингвокультуры являются ДОМ, СЕМЬЯ, ДУША и др. Стоит заметить, что отсутствие вербализации того или иного концепта не исключает его существование в нашем сознании в качестве единицы мышления. Некоторые концепты могут в принципе не подлежать вербализации [Там же, 2007].

М.В. Пименова полагает, что все концепты, объективированные в языке, могут быть сгруппированы по трем классам. Первый класс составляют базовые концепты, которые подразделяются на космические, социальные и психические. Космические концепты включают в себя метеорологические (ДОЖДЬ, СНЕГ, ГРАД), биологические (ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНОЕ, РАСТЕНИЕ), пищевые (НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ), соматические (ТЕЛО, СЕРДЦЕ), перцептивные (ЗРЕНИЕ, ОСЯЗАНИЕ, СЛУХ), ландшафтные (ЛЕС, СТЕПЬ, ГОРА), предметные (ЗДАНИЕ, ПОСУДА, ИНСТРУМЕНТ). В класс социальных концептов входят концепты стран, концепты социального статуса, концепты национальности, концепты власти и управления, концепты интерперсональных отношений (РАБСТВО, ВЛИЯНИЕ, ВОЙНА, НЕЗАВИСИМОСТЬ), моральные или этические концепты (ЧЕСТЬ, СТЫД, ИЗМЕНА, ВЕРНОСТЬ), концепты занятий (РЕМЕСЛО, ОБРАЗОВАНИЕ, ТРУД), религиозные концепты (СВЯТОЙ, СВЯТЫНЯ, БОЖЕСТВО, ПРОРОК). Класс психических (духовных) концептов формируют концепты нашего внутреннего мира: концепты характера (ГОРДОСТЬ, ДОБРОТА, ВЕЛИКОДУШИЕ), концепты эмоций (СЧАСТЬЕ, ГРУСТЬ, ТОСКА),

ментальные концепты (УМ, МЫСЛЬ, ВООБРАЖЕНИЕ, СОЗНАНИЕ) [Пименова, 2013].

Концепты-дескрипторы квалифицируют базовые. К этому классу относятся дименсиональные концепты, отражающие различные измерения (ШИРИНА, ВЕС, ОБЪЕМ), качественные концепты, выражающие качество (ТЕПЛО-ХОЛОД, ГЛАДКОСТЬ-ШЕРШАВОСТЬ), и количественные концепты, выражающие количество (ОДИН, ДВА, МНОГО, МЕНЬШЕ, БОЛЬШЕ).

Концепты-релятивы реализуют различные типы отношений. Концептами-релятивами считаются концепты-оценки (ХОРОШО-ПЛОХО, ВАЖНО-НЕВАЖНО, ПРАВИЛЬНО-НЕПРАВИЛЬНО), концепты-позиции (БЛИЗКО-ДАЛЕКО, НАПРОТИВ, МЕЖДУ) и концепты-привативы (СВОЙ-ЧУЖОЙ, ВЛАДЕТЬ-ТЕРЯТЬ) [Там же, 2013].

В.И. Карасик противопоставляет все концепты как параметрические и непараметрические ментальные образования, с точки зрения их содержания. К параметрическим концептам относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др. К непараметрическим концептам относятся концепты, имеющие предметное содержание [Карасик, 2005]. Вторую группу концептов ученый подразделяет на две подгруппы – регулятивные и нерегулятивные концепты (см. схема 2). В подгруппу регулятивных концептов входят ментальные образования, ведущим содержательным компонентом которых является ценностный (СЧАСТЬЕ, ДОЛГ, ЩЕДРОСТЬ и др.). Подгруппа нерегулятивных концептов, в свою очередь состоит из синкретичных концептов разного характера (ПУТЕШЕСТВИЕ, ПОДАРОК, ЗДОРОВЬЕ и др.) [Там же, 2005].

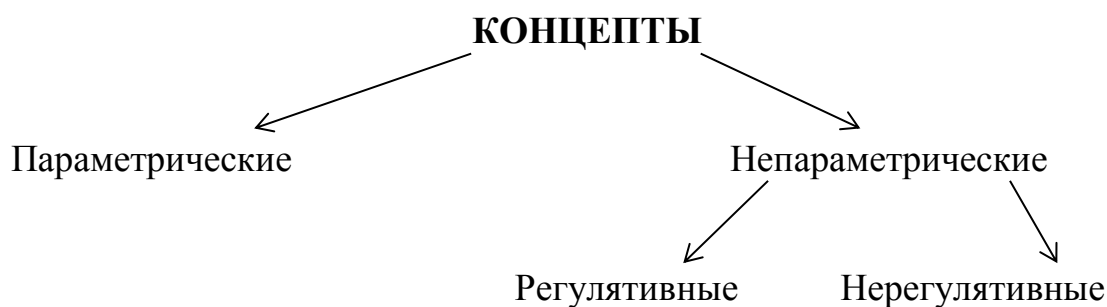


Схема 2. Типология концептов по В.И. Карасику с точки зрения их содержания

Художественные концепты, возникающие на пересечении лингвистики и литературоведения, также можно подразделить на типы, и одну из наиболее оригинальных типологий предлагает Л.В. Миллер. В рамках этой типологии выделяются четыре типа концептов: концепты чувств, имеющие некоторое этнокультурно-обусловленное содержание (ТОСКА, ВЕРА); концепты, определяемые системой общественных регламентаций (ДОМ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ); художественно-эмотивные концепты; стандартизованные, этнокультурно-обусловленные интерпретации (ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК, ТУРГЕНЕВСКАЯ ДЕВУШКА) [Миллер, 2000].

В трудах Н.Н. Болдырева подробно представлены структурная и содержательная типологии концептов. Отметим, что эти типологии получили наибольшее распространение в лингвистике.

Структурная типология концептов фокусируется на принципах их организации. В зависимости от типа внутренней организации концепт может существовать в виде конкретно-чувственного образа, представления, схемы, понятия, прототипа, фрейма, сценария и гештальта (см. Схема 3).

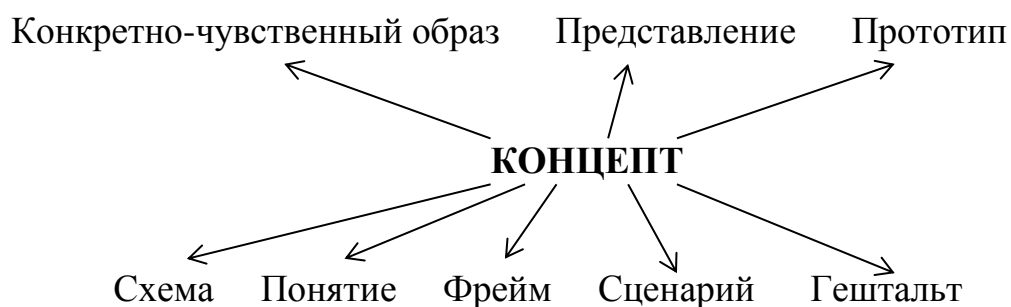


Схема 3. Структурная типология концептов по Н.Н. Болдыреву

Конкретно-чувственный образ — образ конкретного явления или предмета, возникающий в нашем сознании (конкретный дом, конкретный компьютер и др.).

В свою очередь, представление является более высоким по степени абстрактности концептом. Его можно сравнить с «мыслительной картинкой», состоящей из обобщенных чувственных образов разных предметов.

Мыслительный образец предмета или явления, который имеет пространственно-контурный характер, именуется схемой. Траектория движения, карта города, проект помещения — все эти примеры относятся к схемам.

Следующий компонент структурной типологии концептов зачастую формируется с помощью двух предыдущих. Понятие — концепт, возникающий на основе представления или схемы в результате постепенного абстрагирования от второстепенных признаков предмета или явления [Болдырев, 2019]. Другими словами, понятие содержит в себе наиболее существенные и объективные характеристики предмета или явления, логически отличая его от других ему подобных.

Прототипом называют категориальный концепт, дающий представление о типичном члене какой-либо категории. Например, данный вид концепта может содержать в себе прототипические характеристики птицы, политика, автомобиля и т.д.

Фрейм представляет собой объемный, зачастую иерархически организованный, многокомпонентный концепт, так называемый «пакет» информации, который содержит в себе «знания о стереотипной ситуации». Компонентами фрейма КИНОТЕАТР будут кинозал, билетная касса, экран, игровой автомат, фильм, попкорн и т.д. Обычно фрейм представляют в виде двухуровневой структуры компонентов и отношений между ними: 1) обязательные компоненты фрейма, содержащие стереотипные данные, всегда справедливые для данной ситуации, и 2) факультативные компоненты

фрейма, которые заполняются данными из конкретной практической ситуации.

Сценарий или скрипт — это динамически представленный фрейм как определенная последовательность событий, разворачиваемая во времени. Отдельными этапами внутри того же фрейма КИНОТЕАТР будут посещение кинотеатра, покупка билета, просмотр кинофильма и т.д.

Не менее важное место в структурной типологии занимает гештальт. Это целостный ментальный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве, в результате целостного восприятия предмета или ситуации. В гештальте целое доминирует над его составными частями, поэтому этот вид концепта не требует дискретизации в процессе его использования. Гештальт можно рассматривать как совокупность самых общих знаний об объекте — начальную ступень познания. Например, школьники обладают поверхностными знаниями об университете, ведь, они не знакомы ни с его структурой, ни с организацией учебного процесса в полной мере. Но также гештальт может пониматься и как наивысшая ступень познания. В данном случае, человек обладает исчерпывающими знаниями об объекте и владеет разными типами концептов. У профессора уже сформирован образ здания университета, его общая схема, он знаком с научным понятием высшего образования и т.д. То есть, гештальтом также может являться вся система знаний о том или ином объекте в концептуальной системе человека, совмещающая в себе все вышеназванные типы концептов. Все они тесно переплетаются и могут быть по-разному востребованы в мыслительной и речевой деятельности человека.

Содержательная типология концептов фокусируется на областях рассматриваемого знания и их вербализации. В зависимости от тематической области рассматриваемого знания можно выделить культурные, языковые, диалектные, правовые, экономические и другие концепты. Кроме того, с точки зрения преимущественной репрезентации на определенном языковом уровне, различают фонологические, лексические, фразеологические,

словообразовательные, морфологические, синтаксические, текстовые и сверткостовые концепты [Болдырев, 2019].

Однако, и структурная, и содержательная типологии, при всей их простоте, имеют определенную функциональную ограниченность. Она часто проявляется при использовании этих типологий в различных исследованиях, посвященных способам репрезентации концептов в языке. Это, в частности, отражается в неразличении статического и динамического аспектов концептуальной системы как основы речемыслительной деятельности и смыслопорождения [Там же, 2019]. Поэтому возникает необходимость создания новой, общей типологии концептов, чтобы более полно отразить концептуальные основы языка, а также его роли в познавательных процессах. Создание такой типологии особенно необходимо при исследовании концептуального обеспечения трех главных языковых функций: коммуникативной, когнитивной и интерпретирующей.

Наиболее значимой в лингвистическом отношении представляется разработка функциональной типологии концептов. Ее главная особенность — соответствие трем названным функциям языка и обеспечение их реализации, которая напрямую связана с тремя видами оперирования знанием в языке: его репрезентацией, формированием смыслов и интерпретацией. Соответственно, по выполняемой функции, все единицы знания можно поделить на три типа: репрезентирующие, семиотические и интерпретирующие концепты.

Репрезентирующие концепты функционально связаны с репрезентацией мира и коллективных знаний о мире. По уровням репрезентации можно выделить базовые (гештальты: ДОМ, КРОВАТЬ, СОБАКА), суперординатные (абстрактные: РАСТЕНИЕ, СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ), и субординатные (конкретные: ДЕРЕВЯННЫЙ ДОМ, ЛАБРАДОР, НАУЧНАЯ МОНОГРАФИЯ) концепты.

По средствам репрезентации в языке выделяют фонологические (фонема — смысловозначительная единица языка), лексические (передаются

одним словом: КОШКА, БАНАН), фразеологические (передаются фразеологизмом: БЕЛАЯ ВОРОНА, КАК СНЕГ НА ГОЛОВУ), ономазиологические (БРУТ, НАПОЛЕОН), словообразовательные (СТУЛЬЧИК, КРАСИВЕНЬКИЙ), морфологические (РОД, ЧИСЛО, ПАДЕЖ), синтаксические (ПОДЛЕЖАЩЕЕ, ДОПОЛНЕНИЕ), сверхфразовые (ТЕМА, РЕМА), текстовые (КОГЕЗИЯ, КОГЕРЕНТНОСТЬ), сверхтекстовые (ИДИОСТИЛЬ, АВТОРСКИЕ МЕТАФОРЫ) и другие концепты.

К семиотическим концептам относятся индивидуальные концепты-смыслы, которые формируются и передаются в процессе коммуникации. Они могут иметь вербальный и невербальный характер. Вербализованные концепты также могут быть отражены с помощью лексических, грамматических, текстовых средств, иметь метафорический (КУПАТЬСЯ В ДЕНЬГАХ) и метонимический характер (ПЕТРОВСКИЕ ВРЕМЕНА). Невербализованные концепты – это разного рода мимические, жестовые, художественно-изобразительные, графические, сценические, музыкальные и другие средства передачи и интерпретации знаний о мире.

Интерпретирующие концепты формируют новое знание на основе интерпретации коллективных знаний о мире в рамках индивидуальной концептуальной системы отдельного человека [Там же, 2019]. Среди подобных концептов выделяют метаописательные, которые в свою очередь подразделяются на вербальные, невербальные и метадискурсивные, и модусные, включающие в себя селективные (СВОЙ — ЧУЖОЙ), классификационные (ПРИРОДНОЕ — ИСКУССТВЕННОЕ), отрицательные (НЕЖЕЛАНИЕ, ОТСУТСТВИЕ), эвиденциальные (концепты, отсылающие к источнику информации), аппроксиматоры (ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО, ОКОЛО, ПОЧТИ), супрасегментные (интонация), эстетические, этические и оценочные.

Стоит отметить, что между типами концептов, принадлежащих всем перечисленным типологиям, как и в любой другой лингвистической системе,



нет и не может быть четких границ, так как любая языковая единица имеет двойное означивание как, в системе языка, так и в речи, и поэтому полифункциональна, как и ее концептуальная основа.

Таким образом, в современной лингвистике не существует единой, принятой лингвистическим сообществом типологии концептов, так как каждый исследователь фокусируется на интересующем его аспекте изучения концептов. Тем не менее, все типы концептов образуют концептуальную систему человека и его картину мира, а также служат концептуальной основой языка.

Осветив несколько типологий концептов, стоит упомянуть, что главной задачей разработки тех или иных типологий концептов в лингвистике является выявление различных способов концептуализации мира в языке, неоднородности концептуального содержания. Исследуемый нами концепт MISFORTUNE можно рассматривать в рамках всех упомянутых нами типологий. Однако типология, наиболее отвечающая целям и задачам нашего исследования, является типология, предложенная Л.В. Миллер, в рамках которой концепт MISFORTUNE следует рассматривать как концепт художественно-эмотивного типа.

### 1.5. Методы исследования и актуализации концептов

Активная разработка концептуальных теорий началась в самом конце XX века, что привело к возникновению огромного количества научных теорий и направлений, выявляющих суть концепта и предлагающих различные методы его изучения [Дотмурзиева, 2013]. Поскольку концепт является сложной ментальной единицей, единого или стандартного подхода к его исследованию не существует. Однако среди всего многообразия методов исследования концепта выделяют некоторые наиболее активно применяющиеся методы.

Метод лексикографического исследования является одним из ведущих

при изучении концепта. Используя этот метод, ученые анализируют данные толковых словарей, что позволяет им охарактеризовать семантику ключевых слов концепта, описать их ассоциативные и коннотативные составляющие, а также определить ядро и периферию концепта. Кроме того, этот метод включает в себя сравнение между собой словарей разных лет с целью понять как и насколько содержание того или иного концепта изменилось с течением времени [Валеева, 2018].

Метод компонентного анализа можно охарактеризовать как толкование значений лингвистических единиц через определенный набор свойственных им семантических компонентов. На значимость этого метода в своих работах указывают такие лингвисты как М.В. Никитин, С.Г. Воркачев, З.С. Дотмурзиева и др.

Словообразовательный анализ позволяет выявить деривационные возможности номинанта концепта и построить его лексико-семантическое поле. Также при проведении анализа словообразовательной «активности» той лексемы, что вербализует концепт, можно обнаружить ряд дополнительных когнитивных признаков исследуемого концепта [Там же, 2018].

Большое значение в исследовании концепта имеет анализ внутренней формы слова, так как благодаря ему можно восстановить фрагмент духовной или материальной культуры, ведь внутренняя форма слова является «живым» признаком, лежащим в основе номинации, и составляет ту часть значения слова, которая наиболее тесно связана с картиной мира человека [Никитин, 1983; Шарфиков, 1998].

Синтагматический или дистрибутивный анализ представляет собой анализ сочетаемости базовых номинантов концепта с различными частями речи. И.А. Стернин отмечает, что подобный анализ позволяет выявить способы концептуализации и категоризации явления [Стернин, 2001].

Паремиологический анализ предполагает изучение материала пословиц, поговорок и афоризмов, так как они занимают особое место в

фонде языка, поскольку отражают языковую картину мира народа. В поговорках (поговорки об одном и том же концепте) мы можем увидеть застывшие осмысления того или иного концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени и менявшиеся в зависимости от времени, места и условий проявления концептуальных сущностей в жизни народа [Валеева, 2018].

Метод контекстуального анализа основывается на описании способов экспликации концепта в художественном тексте, в лексическом и фразеологическом тезаурусе. Поскольку в художественных произведениях репрезентируется не только базовая и общенациональная картина мира, но и индивидуально-авторская, исследование концептуальной структуры текста имеет особое значение.

Также существуют экспериментальные методы исследования концепта, среди которых особой популярностью пользуется ассоциативный эксперимент, который заключается в создании ассоциативного поля концепта путем опрашивания испытуемых. При выявлении ассоциативного поля того или иного концепта, можно также выявить многие другие его признаки, например актуален он в сознании испытуемых или нет [Там же, 2018].

Все перечисленные ранее методы исследования концептов можно объединить в один — метод концептуального анализа. Данный метод является комплексным, включающим контекстуальный анализ, дефиниционный, сравнительные и сопоставительные методы и др. Будучи способом исследования, фиксирования и объяснения концептуальной системы носителя языка, он заключается, с одной стороны, в рассмотрении языковых способов выражения концепта, а с другой, — в его реконструкции и стоящих за концептом фрагментах языковой картины мира.

Помимо применения различных методов исследования при изучении концептов, лингвисты уделяют немало внимания методам их актуализации в языке. Актуализацию можно трактовать как проявление «следов» культуры в различных лингвистических единицах.

Среди имеющихся научных разработок в области актуализации концептов можно выделить три взаимодополняющие исследовательские позиции: системно-языковую, ассоциативно-вербальную и культурно-семиотическую.

В соответствии с первым системно-языковым методом концепт может актуализироваться в единицах, принадлежащих к разным уровням языка. Однако основной единицей анализа в рамках данной теории все же признается семантическое поле с именем концепта, а именно лексико-семантическое и функционально-семантическое поля. Особое внимание здесь сосредоточивается на внутренней стороне языкового знака. Ученые исследуют внутреннее строение концепта путем вычленения его наиболее ценностного компонента. Семантические поля, тематические группы и словообразовательные парадигмы интерпретируются исследователями как феномены языка и культуры, поэтому использование данного метода для анализа художественного текста вполне естественно.

Ассоциативно-вербальный метод предполагает активацию концепта в сознании носителя с помощью ассоциаций, то есть по схеме стимул → реакция [Гладких, 2012]. Существуют определенные факторы, влияющие на формирование подобных ассоциаций. Ими являются индивидуальный опыт партнеров по общению, принадлежность к определенной культуре или субкультуре, а также контекст ситуации общения. Актуализация того или иного концепта посредством ассоциаций происходит в несколько этапов: первые два этапа – это осмысление и формирование смыслового центра концепта, третий – концентрация образа при помощи метонимии, что в свою очередь приводит к формированию символического значения слова-номинанта. На четвертом этапе, носитель осмысливает уже более глубокое значение слова чем то, что лежит на поверхности.

Третьим и последним методом является культурно-семиотический. Ученые, проводящие исследования в этом направлении, считают, что концепт может актуализироваться в источниках определенной культуры,

таких как обычаи, обряды, верования, фольклор и др. В рамках данной теории все внимание лингвистов приковано преимущественно к фразеологическим единицам, в которых фиксируются основные ценности той или иной культурной общности.

Стоит также отметить, что концепт может быть актуализирован не только лексически, но и синтаксически. Однако данный вопрос все еще остается открытым для научных исследований и дискуссий [Видинеева, Скворцова, 2016].

Таким образом, ни в применении тех или иных методов исследования концептов ни в выборе путей изучения способов их актуализации не существует единых правил, которых могло бы придерживаться все лингвистическое сообщество. Все наше культурное пространство является невероятно сложным явлением, слабо поддающимся четкой систематизации. Поэтому все перечисленные методы исследования и способы актуализации можно применять в совокупности друг с другом, так как они носят комплексный, взаимодополняющий характер.

#### 1.6. Понятие «идиостиль» в лингвистических исследованиях

Идиостиль — центральный термин в лингвистических исследованиях, посвященных анализу индивидуальных проявлений языковой личности в художественном тексте. Однако в современной лингвистике не существует единой принятой точки зрения на содержание термина «идиостиль».

Одним из первых к фокусному понятию «идиостиль» обратился А.И. Ефимов, который определял его как «индивидуальную систему построения речевых средств, которая вырабатывается и применяется писателем при создании художественных произведений» [Старкова, 2015: 76]. А.И. Ефимов также отмечал, что идиостиль — это «характерная для писателя манера выбора и употребления слов», отражающая мировоззрение автора. Позже, термин «идиостиль» вошел в

широкое употребление благодаря трудам В.П. Григорьева и других авторов. Так, группа авторов, в числе которых был Ю.Н. Караулов, детально описывают опыт исследования художественной речи Ф.М. Достоевского в сборнике статей «Слово Достоевского». В своих статьях авторы обращались к художественным произведениям, дневникам, запискам Ф.М. Достоевского, исследуя грамматику, лексику и поэтику писателя [Караулов и др., 1996]. Н.Б. Оганян изучала идиостиль более современного американского писателя Дэна Брауна. Фокусом ее исследования стала антонимия как признак идиостиля писателя [Оганян, 2017]. Интерес ученых привлекает не только идиостиль различных писателей, но и поэтов. Труд О.С. Михайловой был посвящен исследованию идиостиля Е.А. Евтушенко в аспекте теории мотивации [Михайлова, 2005]. В свою очередь Е.М. Спивакова исследовала творчество А.А. Блока, фокусируясь на колоративной лексике в идиостиле поэта [Спивакова, 2009]. Также, А.Г. Бобина исследовала идиостиль В.С. Высоцкого, рассматривая и описывая языковые средства создания многомерности и многомирности в субъектной и пространственно-временной структуре его поэзии [Бобина, 2013].

Существует три основных подхода к пониманию идиостиля по соотношению его лингвистической и экстралингвистической составляющих [Старкова, 2015].

С узколингвистической точки зрения, идиостиль представляет собой совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя.

С точки зрения коммуникативной стилистики, идиостиль рассматривается в качестве экстралингвистического понятия «творческая индивидуальность автора». Изучение идиостиля происходит за счет анализа конкретного языкового материала, главным образом, лексической составляющей текста автора.

Наиболее распространенной и признанной является третья точка зрения, согласно которой идиостиль представляет собой творческую

индивидуальность автора в совокупности с языковыми средствами ее выражения. Придерживаясь этой точки зрения, понятию «идиостиль» можно дать следующее определение: «идиостиль — это система принципов моделирования индивидуально авторской картины мира посредством формирования содержания художественного текста, отбора языковых единиц и образных средств для ее выражения, основанного на особенностях сознания языковой личности и ее представлениях о действительности» [Старкова, 2015: 79].

Таким образом, понятие «идиостиль» является предметом исследования многих ученых на протяжении большого периода времени. Существование трех подходов к интерпретации термина «идиостиль» пробуждает мысль о том, что это понятие является многоаспектным и требует детального анализа сквозь призму лингвистических, стилистических и литературоведческих приемов. Согласно наиболее распространенному подходу к пониманию термина, идиостиль представляет собой творческую индивидуальность автора в совокупности с языковыми средствами ее выражения. Опираясь на эту точку зрения, идиостиль можно назвать системой принципов моделирования представлений писателя о действительности посредством отбора языковых единиц.

### 1.7. Место Дэниела Хэндлера в истории детской литературы

Литература, как и многие другие явления, может подразделяться на различные отрасли по тем или иным признакам: по форме (поэзия и проза), по целям авторов (художественная и научная литература), или по содержанию (историческая, географическая, естественно-историческая и т.д.). Если учитывать все эти подразделения, то детской литературе, как особому виду или отделу литературы, нет места. Тем не менее, детская литература, все же выделяется из общей литературы как отдельная отрасль по другому признаку — по читателям, для которых написаны произведения.

Н.В. Чехов, педагог, историк литературы и литературный критик, убежден, что детская литература является особой ветвью общей литературы, складывающейся из трех групп сочинений:

- 1) сочинения, написанные специально для детей;
- 2) сочинения, написанные для взрослых, но оказавшиеся доступными и интересными для детей;
- 3) сочинения, первоначально написанные для взрослых, но затем перешедшие в круг детского читателя [Чехов, 2012].

Со времен ее становления детская литература является источником знакомства детей с различными социальными моделями, а заложенные в ней базовые общечеловеческие ценности, такие как эмпатия, доброта, честность, не имеют ни временных, ни культурных границ. Несомненно, что акценты меняются в зависимости от эпохи и присущей ей культуры. В момент зарождения детской литературы, многие авторы придерживались мнения о том, что произведения для юного читателя необходимо было создавать с целью просвещения, прививая ребенку «любовь к добродетели и отвращение к пороку» [Прохорова, 2016]. Авторы современной детской литературы стремятся передать реальный опыт детей, создавая персонажей, в которых читатель может узнать себя.

Как специфический жанр детская литература формируется лишь в конце XVII-XVIII веков. Ранее произведения для детей появлялись крайне редко и преимущественно носили учебно-дидактический характер (Дж. Чосер «Трактат об астролябии», 1931 г.). Первыми поэтическими произведениями детской тематики стали сборники, созданные английскими писателями Дж. Беньяном («Книга для мальчиков и девочек, или Деревенские стихи для детей», 1686) и А. Уоттсом («Божественные и нравственные песни для детей», 1720). Для детской литературы XVIII века характерно преобладание дидактического начала. Особое место в ней занимают своды правил и нравственных поучений («Юности честное зеркало, или Показания к житейскому обхождению», 1717).



В XVIII веке начинают появляться литературные сказки для детей: сказки, основанные на фольклорных текстах («Красавица и зверь» французской писательницы Ж.М. Лепренс де Бомон, 1756), сентиментальные повести («Евгений и Юлия» Н.М. Карамзина, 1789), художественно-нраво-учительные рассказы (М. Эджуорт).

Также в XVIII веке в круг детского читателя постепенно внедряется фантастико-приключенческая литература («Удивительные приключения, путешествия и военные подвиги барона Мюнхгаузена» Р.Э. Распе, 1786), и появляются первые журналы для детей, в числе которых «Детское чтение для сердца и разума» Н.И. Новикова (1785–1789). Еще одной особенностью данного периода является плавный переход многих произведений для взрослых в детские. Так, сказки Ш. Перро, романы М. де Сервантеса и Д. Дефо позднее перешли в разряд детской литературы.

В XIX веке ведущим жанром остается авторская сказка, нередко обращенная как к ребенку, так и к взрослому. Бесценный вклад в развитие данного жанра, как и детской литературы в целом, внесли братья Якоб и Вильгельм Гримм. Их сказки, в которых жаждущие чудес дети, становились главными героями, обрели мировую славу. Именно братьям Гримм одним из первых удалось почувствовать многообразие и тонкость детского восприятия действительности. Также, в данный период получили международную известность сказки Г.Х. Андерсена и сказочно-фантастические повести Э.Т.А. Гофмана, а Л. Кэрролл трансформировал жанр сказки в духе типичного для англичан абсурдистского юмора. Тенденция «переселения» произведений для взрослых в репертуар детского чтения не угасла в XIX веке: подтверждением тому служат авантюрно-исторические романы В. Скотта, Ш. Де Костера и др.

XX век стал периодом, в котором резко изменился жанровый состав детской литературы. Благодаря таким писателям, как Дж. Лондон, Р. Киплинг, Г.Р. Хаггард и др., важное место в детской литературе приобрела

остросюжетная и романтическая по тональности историческая и приключенческая проза.

В круг детского чтения начинают входить и новые жанры: детектив (А.К. Дойл), научная фантастика (Г. Уэллс), научно-познавательные книги о природе и животных (Э. Сетон-Томпсон), фэнтези (Дж.Р. Толкин). Значительные изменения претерпевает и традиционный жанр сказки: дидактическое начало в ней уступает место игровому, нередко сочетающемуся с лирической интонацией и философскими мыслями (А. де Сент-Экзюпери, А. Линдгрэн, Т. Янсон).

В отличие от Запада, расцвет детской литературы России пришёлся на середину XX века: поэты В.В. Маяковский, К.И. Чуковский, Д.И. Хармс, А.Л. Барто, С.Я. Маршак и др., прозаики Ю.К. Олеша, А.П. Гайдар, Б.С. Житков, А.Н. Толстой и др. создали золотой фонд детской литературы, на котором было воспитано множество поколений детей. В детской и юношеской прозе второй половины XX века наблюдалась тенденция к психологической углублённости: импульсом развития сюжета становятся внутренние противоречия героя-ребёнка, его душевные переживания. Также, в произведениях для юных читателей появляются новые типы героя: в прозе для младшего возраста – «трудный ребёнок», непослушный, но живой и непосредственный (В.Ю. Драгунский, Н.Н. Носов, Ю.В. Сотник и др.), для более старших – «чудак», противостоящий коллективу и, в силу юношеского максимализма заставляющий взрослых жить по тем законам, которые они сами исповедуют (Ю.Я. Яковлев, В.К. Железников, Ю.П. Вяземский и др.). Однако в детской поэзии все наоборот, поскольку в данном жанре на первый план выходит юмористическое и игровое начало (Э.Н. Успенский, Б.В. Зодер, В.В. Лунин) [Левченкова, 2016].

Современная американская детская литература отличается изобилием просто и понятно написанных книг для малышей с красивыми иллюстрациями. Такие книги очень популярны среди родителей, которые в первую очередь смотрят на качество иллюстративного материала. Такая

тенденция сформировалась из-за того, что часто художник и автор – это один и тот же человек, зачастую изначально художник или художница. А идеи подобных произведений и повествование отталкиваются не от текста, а от иллюстраций. Эта традиция сформировалась к середине XX в., и ярко представлена в работах таких авторов, как Роберт Макклоски, Морис Сендак, Эрик Карл и Арнольд Лобел (три последних опубликовали свои самые знаменитые книги в конце 1960 – начале 1970-х гг.) [Бухина, 2020].

Произведения категории young adults (подростковая литература) полны разнообразных стилей и приемов. Однако объединяющим фактором в подобных произведениях является их социальная составляющая – главными героями являются дети из разных групп населения, с разным цветом кожи, разного этнического происхождения. Современные авторы, чьи книги стали бестселлерами, пишут на важные для американского общества темы такие, как толерантность, расовые предрассудки, иммиграция, социальная ответственность, умение оставаться самим собой, ограничения в области физических возможностей и др.

Одними из самых громких имен американской детской и подростковой литературы являются Жаклин Вудсон, получившая известность в США в первую очередь благодаря книге «Мечты темнокожей девочки», а также Элизабет Асеведо, американская поэтесса пуэрториканского происхождения, известная своим романом «Похлопаем, когда приземлимся» [Там же, 2020].

Среди вышеперечисленных авторов стоит и имя Дэниела Хэндлера. Писатель родился 28 февраля 1970 года в городе Сан-Франциско (Калифорния) в семье декана городского колледжа и бухгалтера. Творчество Д. Хэндлера ориентировано на разновозрастную аудиторию, а жанрами, в которых он преимущественно работает, являются романы, новеллы и повести. Свои книги писатель выпускает как под настоящим именем, так и под псевдонимом Лемони Сникет, который он использует, сочиняя книги для детей [suhan\_lich].

На ранних этапах творчества у Д. Хэндлера не складывались партнерские отношения с издательскими домами. Литературный дебют писателя – роман “The Basic Eight” – был отклонен многими издательствами из-за излишне мрачного взгляда на жизнь главной героини девочки-подростка. Сам автор говорит, что книгу отклоняли тридцать семь раз, прежде чем, наконец, опубликовали в 1998 году.

Свой второй роман, “Watch Your Mouth”, автор успел завершить до публикации первого. На этот раз публикация прошла успешно, и в 2000 году роман вышел в свет и был положительно воспринят публикой.

В последующие годы он написал еще несколько романов такие как “Adverbs” (2006), “Why We Broke Up” (2011) и “We Are Pirates” (2015).

Все вышеупомянутые произведения были опубликованы под именем Дэниел Хэндлер. В свою очередь первая книга под псевдонимом Лемони Сникет, которая называется “All the Wrong Questions”, вышла в 1999 году. И в этой же книге впервые появляется сам Лемони Сникет, выступивший в качестве героя и рассказчика истории. С этого момента Лемони становится медийным персонажем и даже обзаводится собственной биографией. Под этим же псевдонимом была написана серия книг “A Series of Unfortunate Events”. В этой серии книг Лемони Сникет тоже является рассказчиком, а после публикации Д. Хэндлер, прикрывшись своим псевдонимом как маской, участвовал в озвучке аудиоверсий первых трех романов серии и даже снимался в экранизации своих произведений [suhan\_lich].

Самой известной и любимой зрителями экранизацией “A Series of Unfortunate Events” является фильм 2004 года, в основу которого легли события первых трех книг серии. Д. Хэндлер лично написал сценарий для фильма и даже высказал пожелание насчет того, чтобы Джим Керри исполнил роль Графа Олафа.

Также, на основе серии книг был снят мини сериал, который был размещен на популярной американской стриминговой платформе Netflix [Михайлов, 2017].

Таким образом, детская литература существует на протяжении вот уже более трех столетий. За это время писатели с мировым именем создали невероятное множество разнообразных по жанру и характеру произведений, которые воспитали не одно поколение юных читателей. Сегодня это также продолжает делать и Дэниел Хэндлер – современный американский писатель, знаменитый своей серией книг для детей “A Series of Unfortunate Events”, написанной им под псевдонимом Лемони Сникет.

## ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

- Человек получает знания об окружающей его действительности с помощью познавательных процессов. За получение, хранение и воспроизведение информации отвечают две группы процессов: собственно-познавательные, куда входят такие процессы, как ощущение, восприятие и мышление, и сквозные процессы, организовывающие полученные нами знания вдоль оси психологического времени. Обработка действительности с помощью собственно-познавательных процессов приводит к формированию концептов в нашем сознании.

- Проблема определения термина «концепт» является достаточно актуальной для лингвистического сообщества. Однако, среди всего многообразия трактовок термина «концепт» можно выделить два основных подхода к определению концепта: когнитивный и лингвокультурологический. В рамках когнитивного подхода концептом следует считать базовую единицу мышления человека, формирующуюся в процессе познания мира. В рамках лингвокультурологического подхода концепт понимается как элемент картины мира, обусловленный культурой и традициями того или иного народа. Также существует термин «художественный концепт», введенный исследователями художественного текста и понимаемый ими как единица сознания писателя, которая находит репрезентацию в художественном произведении.

- Концепт, будучи многоуровневым ментальным образованием, имеет сложную структуру. Многие исследователи убеждены, что в структуру концепта непременно входит образ, а также определенная понятийная/информативная составляющая. Ученые также выделяют в структуре концепта прочие составляющие, зависящие от фокуса их исследования (интерпретационная составляющая (З.Д. Попова, И.А. Стернин), ценностная составляющая (В.И. Карасик), собственно-языковая составляющая (С.Г. Воркачев)).

- В настоящее время существуют различные типологии концептов, в основе которых лежат различные признаки («наблюдаемость» концептов (З.Д. Попова, И.А. Стернин), содержание концептов (В.И. Карасик), принципы их организации (Н.Н. Болдырев)).

- Необходимость изучения концептов как ментальных единиц привело к формированию различных методов их исследования. Среди наиболее активно применяющихся методов исследования выделяются метод лексикографического анализа, контекстуальный, словообразовательный, компонентный анализ, ассоциативный эксперимент и др.

- Ученые уделяют немало внимания методам актуализации концептов в языке. Среди имеющихся научных разработок в области актуализации концептов выделяют три метода актуализации концептов: системно-языковой, ассоциативно-вербальный и культурно-семиотический.

- Помимо термина «концепт» был также рассмотрен термин «идиостиль» являющийся предметом исследования многих ученых на протяжении большого периода времени. Согласно наиболее распространенному подходу к пониманию термина, идиостиль представляет собой творческую индивидуальность автора в совокупности с языковыми средствами ее выражения. Опираясь на эту точку зрения, идиостиль можно назвать системой принципов моделирования представлений писателя о действительности посредством отбора языковых единиц.

- За более чем три столетия было создано невероятное множество произведений для детей, носивших самый разнообразный характер. Одним из громких имен современной детской литературы является Дэниел Хэндлер – американский писатель, знаменитый своей серией книг для детей “A Series of Unfortunate Events”, продолжающий вдохновлять как юных, так и взрослых читателей своим творчеством.

## ГЛАВА 2. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *MISFORTUNE* В ИДИОСТИЛЕ Д. ХЭНДЛЕРА

### 2.1. Особенности семантики имени концепта *MISFORTUNE*

Чтобы подробно изучить способы актуализации концепта *MISFORTUNE* в идиостиле Д. Хэндлера, необходимо прежде всего обратиться к семантике имени самого концепта. Ключевой лексемой, вербализующей изучаемый нами концепт *MISFORTUNE* в английском языке, является лексема *misfortune*. Именно она станет отправной точкой в исследовании семантики имени изучаемого концепта.

Исследование семантики имени концепта *MISFORTUNE* следует проводить в несколько этапов. Первым этапом является анализ формирования его семантического поля. Поясним, что под полем в лингвистике понимается «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [БЭСЯ, 1998: 380].

Составляющие семантического поля выявляются при помощи дефиниционного анализа лексемы или метода лексикографического исследования. Таким образом, обращение к различным лексикографическим источникам позволит нам раскрыть содержание языковых единиц, являющихся именами изучаемого концепта.

В толковых словарях английского языка представлены разные дефиниции лексемы *misfortune*:

- 1) bad luck [Oxford Learner's Dictionary];
- 2) an unfortunate accident, condition, or event [Oxford Learner's Dictionary];
- 3) bad luck or an unlucky event [Cambridge Dictionary];
- 4) something harmful or unpleasant that happens to somebody [Macmillan Dictionary];



- 5) an event or conjunction of events that causes an unfortunate or distressing result [Merriam-Webster Dictionary];
- 6) an unhappy situation [Merriam-Webster Dictionary];
- 7) a distressing or unfortunate incident or event [Merriam-Webster Dictionary];
- 8) mishap; mischance [Collins Dictionary];
- 9) very bad luck, or something that happens to you as a result of bad luck [Longman Dictionary of Contemporary English];

Анализ дефиниций из приведенных выше лексикографических источников позволяет выделить следующие аксиологические семы в составе лексического значения слова *misfortune*: [bad luck], [very bad luck], [harmful], [unlucky], [unpleasant], [distressing], [unfortunate], [unhappy], [mishap], [mischance].

Также анализ дефиниций лексемы *misfortune* показал, что *misfortune* может рассматриваться как событие (*event*), цепь событий (*conjunction of events*), инцидент (*incident*), несчастный случай (*accident*), состояние/положение (*condition*) и ситуация (*situation*). Анализ также показал, что *misfortune* всегда происходит с кем-то (*happens to somebody; happens to you*) и имеет последствия, как правило, отрицательного характера (*distressing result*).

Второй этап подразумевает рассмотрение этимологии имени изучаемого концепта. Именно исследование этимологии слова позволит нам проследить развитие его семантики, а, следовательно, и изменение содержания концепта [Ващеулова, 2012].

Согласно данным Online Etymology Dictionary в середине XV в. лексема *misfortune* имела значение “unfortunate event or circumstance” [Online Etymology Dictionary]. В начале XVI в. лексема получила еще одно значение – “adversity or ill fortune for which the sufferer is not directly responsible”. А в XIX в. лексема *misfortune* стала эвфемизмом словосочетанию “illegitimate child” [Online Etymology Dictionary].

Стоит отметить, что все вышеприведенные значения невероятно любопытны, так как мы можем проследить прямую связь между ними и произведениями Д. Хэндлера. Значение, которое лексема *misfortune* имела в XV в., присутствует в названии самой серии книг. Следовательно, концепт MISFORTUNE находит свое отражение уже в заголовке. Создав заголовок “A Series of Unfortunate Events”, Д. Хэндлер указывает русло, в котором пойдет повествование. А сам сюжет произведений емко отражен в значении, которое лексема *misfortune* имела уже в XVI в.

Третьим этапом исследования семантики имени концепта MISFORTUNE является составление лексической парадигмы номинации. В основе данного явления лежит возможность множественного частеречного представления одного и того же концепта [Козлова, 2004]. Понятие «лексическая парадигма номинации» фигурирует в трудах М.Я. Блоха. Исследователь понимает лексическую парадигму номинации как парадигматический словообразовательный ряд, который объединяет в себе существительные, глаголы, прилагательные и наречия, образованные от единого корня [Блох, 2002]. Следовательно, парадигматический ряд лексемы *misfortune* будет выглядеть так: *misfortune, to be misfortunate, misfortunate, in a misfortunate way* (см. Таблица 2).

Таблица 2. Парадигматический ряд лексемы *misfortune*

Существительное	Глагол	Прилагательное	Наречие
<i>misfortune</i>	<i>to be misfortunate</i>	<i>misfortunate</i>	<i>in a misfortunate way</i>

Данные таблицы обусловлены тем, что лексическая парадигма номинации имеет свойство включать в себя не только словообразовательные лексические производные, но и супплетивные способы представления корневой основы в тех случаях, когда словообразовательная модель межчастеречного словопроизводства не работает [Козлова, 2004]. Парадигматический ряд лексемы *misfortune* является именно одним из таких случаев. Глагольная и адвербиальная лексемы парадигматического ряда

лексемы *misfortune* не могут быть образованы с помощью словообразовательных суффиксов, а потому на помощь словообразованию приходит лексика: глагольное значение передается с помощью связочного глагола *to be* и прилагательного *misfortunate*, а адвербиальное – с помощью лексемы *way*, которая выполняет функцию, аналогичную адвербиальному суффиксу *-ly*.

Исследование семантики лексем также осуществляется с помощью более современных методов, в частности таких, как метод корпусного анализа. При работе с электронными языковыми корпусами, корпусный анализ позволяет сделать вывод об интересующем исследователя языковом явлении, например, о поведении грамматической или синтаксической конструкции, использовании выразительных средств в естественной языковой среде, т.е. в реально существующих, а не искусственно сконструированных контекстах. Исследователи также прибегают к корпусному анализу для изучения коннотаций лексем, чтобы понять, какие эмоции то или иное явление вызывает у носителей языка и как они его оценивают.

Так как мы исследуем концепт MISFORTUNE в идиостиле американского писателя, необходимо рассмотреть данные американского языкового корпуса. В Corpus of Contemporary American English были обнаружены коллокации, которые свидетельствуют о том, что *misfortune* – это всегда масштабное явление, так как в семантике зависимых слов присутствуют семы интенциональности (см. Таблица 3.1) [COCA]:

Таблица 3.1. Коллокации с лексемой *misfortune*

<i>extreme</i>	MISFORTUNE
<i>grave</i>	
<i>great</i>	
<i>immense</i>	
<i>major</i>	
<i>massive</i>	
<i>serious</i>	

При работе с корпусом была выявлена иная группа коллокаций, свидетельствующих о том, что *misfortune* вызывает у американцев бурю самых разнообразных эмоций (см. Таблица 3.2) [COCA]. Данная группа коллокаций также отражает оценочный аспект лексемы *misfortune*. Используя представленные в таблице прилагательные, американцы дают субъективную оценку *misfortune* как явлению.

Оценка может даваться по самым разнообразным признакам, однако основная сфера значений, которые обычно относят к оценочным, связана с признаком «хорошо»/«плохо» [Вольф, 2002]. Анализ корпусных данных позволяет расположить все прилагательные, приведенные в таблице 3.2, на отрицательном поле аксиологической шкалы «-»/0/«+».

Таблица 3.2. Коллокации с лексемой *misfortune*

<i>evil</i>	MISFORTUNE
<i>fearful</i>	
<i>grievous</i>	
<i>gross</i>	
<i>gruesome</i>	
<i>heinous</i>	
<i>hideous</i>	
<i>horrid</i>	
<i>horrific</i>	
<i>melodramatic</i>	
<i>painful</i>	
<i>terrible</i>	

Другая группа коллокаций указывает на то, что *misfortune* как событие может коснуться самых разных групп людей (см. Таблица 3.3) [COCA]:

Таблица 3.3. Коллокации с лексемой *misfortune*

<i>common</i>	MISFORTUNE
<i>domestic</i>	
<i>human</i>	
<i>individual</i>	
<i>marital</i>	
<i>national</i>	
<i>personal</i>	
<i>shared</i>	

В “A Series of Unfortunate Events” *misfortune* репрезентируется не как одно событие, а как цепь событий, на что указывает ряд факторов. Самым очевидным фактором является само название серии книг. Of-фраза *a series of events* указывает на то, что события происходят многократно, друг за другом, а прилагательное *unfortunate* характеризует эти события таким образом, который позволяет нам отнести всю фразу к единицам, репрезентирующим концепт MISFORTUNE.

Также в произведениях фигурируют другие примеры лексем, несущих в себе семантику многократности, в сочетании со словосочетанием *unfortunate events*:

“...led us to the place where the Baudelaire mansion burned to the ground, killing our parents, and beginning **the series of unfortunate events** that haunt us wherever we go.” (Snicket, 2001a)

“We’ve lived through **countless unfortunate events**, only to find ourselves alone.” (Snicket, 2001c)

“...so many of their companions had betrayed them before, just when it seemed they might break out of the tedious **cycle of unfortunate events** in which they found themselves trapped.” (Snicket, 2004)

Кроме того в произведениях можно встретить лексему *misfortune* во множественном числе и другие фразы, указывающие на то, что MISFORTUNE в сознании Д. Хэндлера является именно цепью событий:

“...might bring him closer to unraveling the Baudelaires' *list of misfortunes*. When he stopped in front of the numbered door, however, it appeared that he was only adding another misfortune to this woeful list.” (Snicket, 2005)

“The end of this unhappy chronicle is like its bad beginning, *as each misfortune only reveals another, and another, and another*, and only those with the stomach for this strange and bitter tale should venture any farther into the Baudelaire onion. I'm sorry to tell you this, but that is how the story goes.” (Snicket, 2006)

Однако, использованию лексемы *misfortune* в единственном или множественном числе Д. Хэндлер предпочитает определенные словосочетания, вновь указывающие на то, что в сознании писателя концепт MISFORTUNE закреплен как цепь событий (см. Таблица 4).

Таблица 4. Частота лексем и словосочетаний в “A Series of Unfortunate Events”

Лексема/Словосочетание	Кол-во употребления	Всего
unfortunate events	18	51 словосочетание
terrible things	16	
dreadful/villainous/unpleasant/unfortunate/wretched/distressing/ghastly/atrocious/miserable/awful things	10	
dreadful events	2	
tragic/unpleasant/woeful events	3	
horrible things	2	
misfortunes	9	9 лексем <i>misfortune</i> во мн.ч.
misfortune	22	22 лексемы <i>misfortune</i> в ед.ч

Все приведенные выше факторы позволяют нам утверждать, что понимание MISFORTUNE не как единичного события, а как цепи событий, является своеобразной идиостилевой чертой Д. Хэндлера.

Подведем промежуточные итоги. Семантика имени концепта MISFORTUNE развивалась на протяжении шести столетий. Сегодня дефиниционный анализ лексемы *misfortune* показал, что ее первичные значения сохранились, но со временем к ним добавилось множество новых значений. Одной из ключевых сем в составе лексемы является сема *unfortunate*, и именно она присутствует в названии серии книг, являющихся материалом нашего исследования. В процессе дефиниционного анализа также выяснилось, что *misfortune* может рассматриваться как событие, цепь событий, инцидент, несчастный случай, состояние/положение дел и ситуация. С помощью корпусного анализа лексемы *misfortune* были выявлены три группы коллокаций, указывающие на то, что *misfortune* – это вызывающее бурю самых разнообразных эмоций масштабное явление, которое может коснуться самых разнообразных групп людей. Все рассмотренные коллокации также предполагают наличие отрицательной коннотации *misfortune* как явления в американском сознании. Также путем анализа определенных текстовых примеров и сбора статистических сведений о конкретных словосочетаниях и лексемах удалось выяснить, что автор серии книг “A Series of Unfortunate Events” Д. Хэндлер понимает MISFORTUNE как цепь событий, что является его особенной идиостилиевой чертой.

## 2.2. Понятие «событие» и специфика его структуры

Событие как феномен является неотъемлемой составляющей нашей жизни, и так как наша жизнь полна разного рода событий, само понятие *событие* имеет широкий спектр толкований.

Чаще всего, событие проявляется как природное явление (геологическое, биологическое, экологическое и т.д.), историческое событие, мировое событие (катастрофы, войны, эпидемии) или как событие в статусе происшествия или случая (событийность повседневного опыта).

В научном пространстве же существует два наиболее популярных подхода к пониманию рассматриваемого термина – онтологический и лингвистический. В рамках онтологии толкование термина «событие» разделяется на наивное и собственно научное [Давыдова, 2012]. Наивное толкование термина «событие» содержится в толковых словарях; собственно научная интерпретация термина «событие» отражена в работах ученых, которые пытаются понять устройство окружающего мира.

Е.А. Давыдова, рассматривая оба подхода к пониманию термина «событие», утверждает, что характеристиками события, отражающими суть собственно научного онтологического подхода к его пониманию, являются причастность события к жизни человека (людей), его отражение в сознании человека (людей), а также неожиданность и неуправляемость.

Лингвистический подход к толкованию события является отражением собственно научного онтологического события в языке с помощью языковых средств. Здесь оно приобретает различные толкования и еще более разветвляется.

В лингвистике событие может рассматриваться с позиций пространственно-временных отношений, предиката предложения, основной единицы фоновых знаний и т.д. [Там же, 2012] Однако связь между лингвистическим и онтологическим подходами к толкованию понятия «событие» прослеживается наиболее отчетливо, если рассматривать лингвистическое событие как триединство референтного события, идеи-события и текстового события. Поясним, что референтным событием является событие, принадлежащее реальному миру в его пространственно-временной организации. Событие как идея выступает как отражение референциального события в человеческом сознании, причем события как сосуществующие идеи могут быть связаны с одним и тем же референтным событием и при этом противоречить друг другу. Текстовое событие, в свою очередь, является речевым развёртыванием образа события в тексте в соответствии с авторской идеей события [Демьянков, 1983].



Основными признаками референтного события, которые не всегда есть у события-идеи и текстового события, являются динамичность, пространственная локализация, полная или частичная неконтролируемость, точечность, «сценарность», предельность, причинная обусловленность, спонтанность [Резникова, 2006]. Сходства между характеристиками онтологического события и характеристиками лингвистического референтного события укрепляют связь между лингвистическим и онтологическим подходами к толкованию понятия «событие».

В нашей повседневной жизни мы становимся наблюдателями множества событий. Эти события могут носить как судьбоносный характер (например, принятие новых законов, переезд в другую страну, потеря близкого человека), так и более обыденный (смена времен года).

Однако, мы часто получаем информацию о том или ином событии через призму чужого восприятия. Подтверждение этому можно найти в повседневной жизни. Каждый вечер на одном из телеканалов мы можем видеть репортера, который освещает события, опираясь на слова очевидцев. Читая любимую книгу, мы проживаем множество захватывающих событий сквозь призму главных героев. Именно поэтому, говоря о понятии событие, нельзя не коснуться такого понятия, как наблюдатель.

Находясь в роли наблюдателя, человек осуществляет непосредственный контакт с миром. Наблюдая, человек получает первичную информацию, знание, которое затем послужит основой для первичной категоризации предметов и явлений реального мира и самого человека как части этого мира [Магировская, 2008].

Таким образом, событие, будучи неотъемлемой частью нашей жизни, является предметом исследования многих ученых, работающих в разных областях. Ведущими подходами к толкованию понятия «событие», между которыми прослеживается связь, являются онтологический и лингвистический. Необходимо упомянуть тесно связанное с понятием «событие» понятие «наблюдатель», в связи с тем, что каждый день мы

становимся непосредственными или косвенными наблюдателями событий разного характера, и в процессе деятельности наблюдателя категоризируем предметы и явления окружающей действительности.

Как было отмечено, событие как феномен является неотъемлемой составляющей нашей жизни. И все то, с чем мы сталкиваемся ежедневно, прочно закрепляется в нашем сознании с помощью базовых когнитивных процессов, в виде разнообразных концептов. Так как событие является многогранным явлением, то и в общечеловеческом сознании оно закрепляется как концепт с довольно обширной структурой.

В той или иной степени концептом СОБЫТИЕ занимались как зарубежные (V. Evans, D. Davidson, Ch. Sinha, L. Talmy, Z. Vendler и др.), так и отечественные лингвисты (Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, В.И. Заботкина, О.К. Ирисханова, А.А. Леонтьев, Т.М. Николаева, С.С. Резникова и др.) [Бронникова, 2017].

Событие представляет собой один из базовых концептов для носителей любой культуры. Согласно В.И. Заботкиной, человечество занималось репрезентацией событий на протяжении многих тысяч лет [Заботкина, 2016]. Исходя из этого, можно утверждать, что у человека могла выработаться определенная схема, которая позволяет интерпретировать событийность через ментальные модели-схемы [Там же, 2016]. Р. Шанк и Р. Абельсон, разработавшие теорию когнитивных скриптов (Cognitive Script Theory), подчеркивают, что знание всегда структурирует наш опыт, а каждодневные события разворачиваются таким образом, что человек структурирует свой опыт в формате скрипта (то есть с помощью когнитивной модели-схемы). Когнитивная модель-схема устроена таким образом, что человек обращается к ней в будущем для интерпретации уже известного, похожего или нового события [Schank, 1997]. Ментальная модель-схема события, таким образом, может быть репрезентирована с помощью сценария или скрипта.

Идеи Р. Шанка и Р. Абельсона были дополнены в трудах других ученых. Так, Дж. Лакофф называл данную модель-схему как

пропозициональную когнитивную модель [Lakoff, 1990]. Н.Н. Болдырев также указывал на то, что на ментальном уровне событие концептуализируется в виде пропозиции. Основными элементами данной пропозициональной модели (пропозиции) являются: субъект, предикат, объект [Болдырев, 2014]. Однако, помимо этого, пропозицию можно представить более развернуто с выделением следующих составляющих:

- 1) пространственные и временные параметры;
- 2) участники (которые могут выступать в качестве каузаторов события и действий, связанных с ним, а также в качестве пациенсов, испытывающих на себе действие каузаторов);
- 3) каузации (причины);
- 4) действия;
- 5) цели;
- 6) задачи;
- 7) отношения между участниками события (каузирующие (причинные) отношения);
- 8) эффект события (выход на дискурсивный (коммуникативный) уровень).

Другая попытка описать структуру события была предпринята американским лингвистом и философом Л. Талми. Он ввел понятие *событийного фрейма* (event frame), что является совокупностью смысловых элементов и отношений между ними. Все эти элементы образуют концептуальное ядро, необходимое для опознания конкретного события или типа события [Talmy, 1991]. Л. Талми описывал основную разновидность события движения, и приписывал ей следующие четыре базовые внутрисобытийные компоненты: фигура, фон, путь, движение.

Фигурой является объект, который движется по некоторой траектории или покоится в некотором месте относительно определенной системы координат; это некая переменная обладающая особым значением.

Фон – это статическая схема референции или точка отсчета в пределах этой схемы, относительно которой описывается движение и локализация Фигуры.

Путь представляет собой маршрут, по которому перемещается Фигура. Также Путем может быть местонахождение Фигуры относительно Фона.

Движением является компонент, характеризующий наличие в событии собственно движения или статической локализации [Talmy, 1978].

Из элементов модели события, выделяемых Л. Талми, можно заметить, что Фигура – это собственно событие, Фон – деятельностная ситуация, в рамках которой реализуется событие, а Путь и Движение фиксируют динамику события – его возникновение, развитие и окончание. Такая когнитивная структура характерна для описания событий в тексте, где обычно представляется целая череда событий [Ларионова, 2017].

Другой точкой зрения касательно структуры события обладает О.К. Ирисханова. Сам термин событие исследователь тоже определяет иначе. О.К. Ирисханова полагает, что событием является целостный фрагмент картины мира, отражающий локализованное во времени и пространстве изменение, важность и уникальность которого отмечены социумом или индивидом [Ирисханова, 1997]. Исходя из этого определения можно предположить, что О.К. Ирисханова принимает во внимание не только когнитивную структуру происходящего, но и параметры, обуславливающие оценку значимости происходящего [Ларионова, 2017].

О.К. Ирисханова предлагает фреймовую модель событийного имени, которая состоит из двух блоков – фактуального и оценочного. Фактуальный блок представляет собой совокупность онтологических признаков явления: агенс, пациенс, познающий субъект, действие, изменение, временная и пространственная локализация, цель, причина и следствие. Оценочный блок включает в себя такие компоненты как оценка значимости, вероятности, общая положительная/отрицательная оценка и потенциальная оценка, состоящая из частооценочных признаков: сенсорных (приятный/неприятный,

трудный/легкий), сублимированных (справедливый/несправедливый, гуманный/негуманный), рационалистических (законный/незаконный, эффективный/неэффективный) (см. Схема 4).

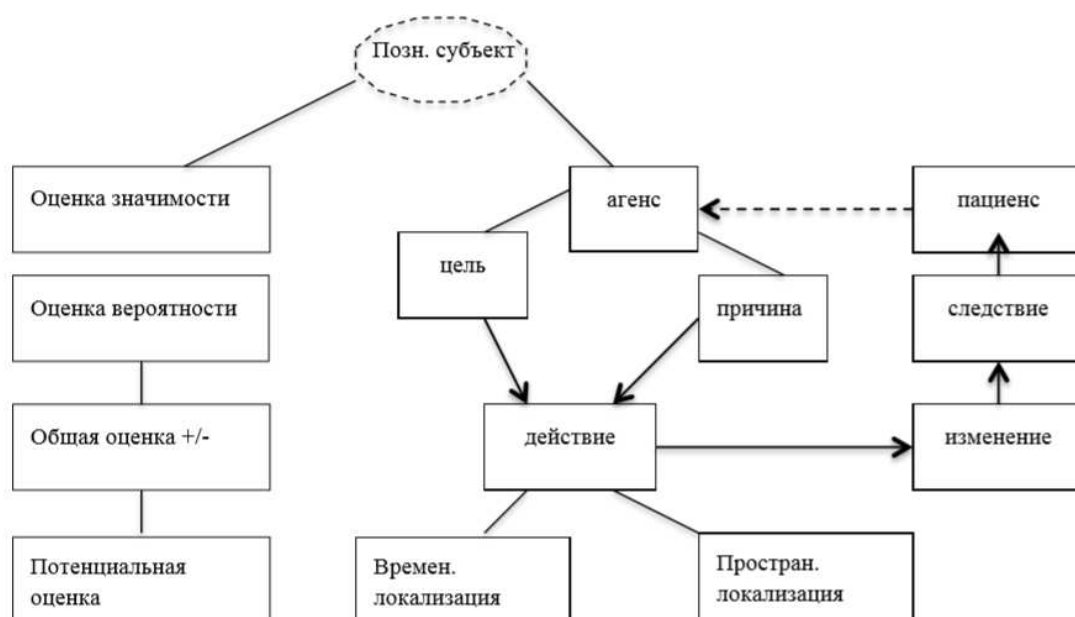


Схема 4. Фреймовая модель событийного имени по О.К. Ирисхановой

Все, что человек наблюдает в своей жизни, пропускается через аксиологическую призму. Об этом пишет и О.К. Ирисхановой, подчеркивая тот факт, что именно оценочная составляющая превращает любую ситуацию в событие [Ирисханова, 1997].

Иная точка зрения принадлежит С.С. Резниковой, которая исследовала события с позиции варианта их структуры, обладающего большей динамикой – сценария. С.С. Резникова определяет сценарий как упорядоченную последовательность действий, разворачивающуюся в некотором пространственно-временном контексте и подчиненная некоторой цели [Резникова, 2006].

Исследователь утверждает, что структура вербальной репрезентации сценария события включает в себя несколько компонентов, которые можно разделить на обязательные и факультативные (см. Таблица 5).

Таблица 5. Компоненты сценария события по С.С. Резниковой

<b>Обязательные компоненты</b>	<b>Факультативные компоненты</b>
Объект	Время
Субъект	Обстоятельства
Пространственная локализация	Причина
Результат	Средства
-	Цель

С.С. Резникова объясняет такое разделение компонентов тем, что то, с кем (или с чем) и где происходит, является наиболее важным для построения образа произошедшего. Результат также входит в обязательные компоненты сценария события потому, что чаще всего именно с ним ассоциируется само событие [Резникова, 2006].

В рамках нашего исследования мы будем придерживаться сценарной модели события, предложенной С.С. Резниковой, как наиболее отвечающей целям и задачам работы. Если обязательные компоненты сценария события необходимы для построения образа произошедшего, то компоненты, относящиеся к факультативным, лишь детализируют то или иное событие [Там же, 2006]. В данной главе будет рассмотрена репрезентация только обязательных компонентов сценария события.

Таким образом, концепт СОБЫТИЕ является одним из базовых концептов для носителей любой культуры, и в общечеловеческом сознании оно закрепляется с помощью сложной структуры, которую можно назвать ментальной моделью-схемой. Нами были рассмотрены ментальные модели схемы, которые могут существовать в форме скрипта, пропозиции, фрейма и сценария. Для нашего исследования лучше всего подходит модель события в виде сценария, предложенная С.С. Резниковой, так как она четко отражает обязательные компоненты сценария необходимые для построения всего произошедшего.

### 2.3. Репрезентация косвенного наблюдателя в “A Series of Unfortunate Events”

При рассмотрении концепта MISFORTUNE в качестве события, происходящего с главными героями серии книг Д. Хэндлера “A Series of Unfortunate Events” возникает вопрос: кто является наблюдателем событий.

Наблюдателем событий, произошедших с сиротами Бодлер, является сам Лемони Сникет. Об этом свидетельствуют письма, озаглавленные “To My Kind Editor”, находящиеся в конце каждой книги, входящей в серию. Однако, Лемони Сникет представлен нам в качестве косвенного наблюдателя, что находит отражение в следующем примере.

***“My investigation of the Baudelaire orphans’ stay in this wealthy and woeful place is finally complete...”*** (Snicket, 2000c)

Исходя из данного примера, а также содержания других писем, написанных Лемони Сникетом, мы можем сделать вывод о том, что он намерен выяснить все о жизни сирот Бодлер. Характер его деятельности отражен в существительном *investigation*.

В примечаниях к письмам Лемони Сникета также можно заметить описание его деятельности с помощью целых предложений, однако акцентными лексемами все же являются дериваты от лексем *research* и *write*.

***“Mr. Snicket’s researching skills are currently and devoutly concentrated on the plight of the Baudelaire orphans, published serially by HarperCollins.”***  
(Snicket, 2000c)

***“His trial has been delayed, so he is free to continue researching and writing the tragic tales of the Baudelaire orphans for HarperCollins.”***  
(Snicket, 2000b)

Следующие примеры более подробно раскрывают детективную деятельность Лемони Сникета. В письмах часто встречаются такие конструкции как *doing something...in order to* и *have done something...in order*

to... , указывающие на ту или иную цель, с которой Лемони Сникет проводит свое расследование:

*“I am writing to you from the London branch of the Herpetological Society, where **I am trying to find out what happened** to the reptile collection of Dr. Montgomery following the tragic events that occurred while the Baudelaire orphans were in his care.”*

*“**I have also managed to track down** one of the few photographs of Dr. Lucafont, **In order to help Mr. Helquist with his illustrations.**” (Snicket, 1999a)*

*“...where **I am examining the remains** of Aunt Josephine's house **in order to completely understand everything that happened** when the Baudelaire orphans found themselves here.” (Snicket, 1999b)*

*“...where **I have convinced the mayor** to allow me inside the eye-shaped office of Dr. Orwell **in order to further investigate** what happened to the Baudelaire orphans while they were living in the area.” (Snicket, 2000a)*

Конечной целью расследования Лемони Сникета является запись всего произошедшего с сиротами Бодлер. Наиболее часто встречающимся в письмах Сникета вариантом обобщения собранной им информации является комбинация Pronoun + Noun – *my description*.

*“In the box you will find **my description** of these terrible events, entitled *The Reptile Room...*” (Snicket, 1999a)*

Однако встречаются и более развернутые варианты. В следующем примере собранная Лемони Сникетом информация выражена с помощью оф-фразы:

*“Instead of boarding the train, wait until it departs and climb down to the tracks to retrieve **the complete summary of my investigation**, entitled *THE ERSATZ ELEVATOR...*” (Snicket, 2000c)*

Прочитав “A Series of Unfortunate Events”, читатель увидит, насколько подробно Лемони Сникет описывает все те несчастья, что произошли с сиротами Бодлер. Именно степень подробности описания случившегося позволяет нам назвать Лемони Сникета наблюдателем. Однако из



содержания писем от Лемони Сникета, находящихся в конце каждой книги, а также более детального анализа конкретных примеров, можно сделать вывод, что ничего из того, что он написал, он не видел своими глазами. Все происходило перед его мысленным взором, что дает нам право назвать Лемони Сникета косвенным наблюдателем.

Таким образом, автор серии книг “A Series of Unfortunate Events” Лемони Сникет является косвенным наблюдателем всех несчастий, произошедших с главными героями произведений сиротами Бодлер, о чем свидетельствуют письма самого Лемони Сникета в конце каждой книги, которые указывают на то, что он проводил расследование и выяснял подробности жизни сирот с целью письменно зафиксировать собранную им информацию.

#### 2.4. Репрезентация пространственной локализации в “A Series of Unfortunate Events”

“A Series of Unfortunate Events” повествует о Вайолет Клаусе и Солнышке Бодлер – трех детях, которые, после смерти родителей при ужасном пожаре, вынуждены переезжать с места на место в поисках нового опекуна, который смог бы дать им дом, любовь и заботу. В серии книг фигурирует множество мест, где побывали главные герои, и где с ними происходили множество ужасных событий.

Пространственная локализация заключается в фиксации описываемых событий в пространстве. Локальные показатели могут как фиксировать события относительно условного места речи, так и обозначать места безотносительно к коммуникативному акту [Шмелева, 1984]. Пространственная локализация событий, произошедших с детьми, уже находит свое отражение в названиях некоторых книг, входящих в серию. По таким названиям как *The Miserable Mill*, *The Austere Academy*, *The Vile Village*, *The Hostile Hospital* и *Carnivorous Carnival* мы можем заметить, что

для обозначения пространственной локализации автор преимущественно использует схему Adj. + Noun. Несмотря на то, что сама локализация репрезентируется именем существительными, имена прилагательные, начинающиеся на одну и ту же букву, что и имена существительные и имеющие отрицательную коннотацию, играют важную роль. Они служат не только усилителями, но и своеобразной подсказкой, побуждающей читателя задуматься о том, какие именно события будут происходить с главными героями в этих местах.

Пространственную локализацию события также репрезентируют имена собственные, присущие миру, созданному произведениями:

*“After all, the three children had just disembarked from the Fickle Ferry, which had driven them across **Lake Lachrymose** to live with their Aunt Josephine, and in most cases such a situation would lead to thrillingly good times.”*  
(Snicket, 2000a)

*“On the arch were the words **“PRUFROCK PREPARATORY SCHOOL”** in enormous black letters...”* (Snicket, 2001c)

Пространственная локализация также репрезентируется с помощью схемы Preposition + (Article/Demonstrative Pronoun) Noun. В зависимости от контекста предлог может меняться, а наличие артикля или указательного местоимения перед именем существительным опционально:

1) in + Noun

*“...you should probably read *The Littlest Elf* and wriggle over the lovely things that happened to this imaginary creature in a made-up place, instead of reading this book and moaning over the terrible things that happened to the three Baudelaire orphans **in the village** where I am now typing these very words.”*

*“The only new things **in this town** are you three children and the new Fowl Fountain uptown, which we'll be cleaning tomorrow.”*

*“...but circumstances changed, and now their parents were dead and the children were living with a handyman **in a town** full of crows.”*

*“The Baudelaires followed Hector, their stomachs fluttering as they walked through the uptown district to the downtown one, where the crows were roosting as they had been yesterday, when the children had first arrived **in V.F.D.**”* (Snicket, 2001b)

2) out of + Noun

*“As they stepped **out of Town Hall** into the still night air, the Baudelaire orphans felt as if they would never jump for joy again.”*

*“A cell is built for the specific purpose of keeping people inside, and she was not sure she could make an invention that could get the Baudelaires **out of the uptown jail.**”*

*““O.K.,” Violet said, although she had been hoping for something a little more helpful from a fully grown adult. “We’re trying to break **out of this cell** right now, so maybe we’ll make it.””* (Snicket, 2001b)

3) at + Noun

*“The Baudelaire children had been **at the carnival**, too, wearing disguises of their own, and had pretended to join Count Olaf in his treachery, but the villain had seen through their ruse...”*

*“Many of the students **at the school** had been quite mean to the three siblings – particularly a very nasty girl named Carmelita Spats – but Isadora and Duncan had been very kind...”*

*“When Sunny had engaged in a sword-and-tooth fight **at Lucky Smells Lumbermill**, for instance, she thought of how much she cared for her siblings, and it helped her defeat the evil Dr. Orwell.”* (Snicket, 2003)

Пространственная локализация события также находит свое отражение в таких наречиях места, как *here* и *there*:

*“**Here** in the city, you’ll be used to your surroundings, and this Count Olaf is the only relative who lives within the urban limits.”*

*“...we cannot stay **here** any longer. I would rather take my chances on the streets than live in this terrible place.”*

*““Do you honestly think,” Mr. Poe said in an exasperated voice, “that I will allow you to continue to care for these three children, after the treachery I have seen **here** tonight?””*

*““You must give yourselves time to adjust to your new home. You've only been **there** a few days.” “We have been **there** long enough to know Count Olaf is a bad man,” Klaus said.”*

*“Klaus felt his body go limp as the hook-handed man left the room, and he wanted to sit **there** for a moment and catch his breath.” (Snicket, 1999a)*

Таким образом, пространственная локализация события репрезентируется в серии книг “A Series of Unfortunate Events” несколькими способами. На лексическом уровне пространственная локализация находит свое отражение в некоторых лексемах, являющихся частью названий книг серии, в именах собственных, присущих миру внутри произведений и наречий места. На морфологическом уровне пространственная локализация репрезентируется с помощью словоформ с предлогами.

Все 13 книг серии “A Series of Unfortunate Events” можно рассматривать как макрособытия, так как от книги к книге многие из аспектов повествования меняются, в том числе и пространственная локализация главных героев и, соответственно, события, которые с ними происходят. Рассматривая произведения как макрособытия, можно выявить следующую закономерность: в каждой книге пространственная локализация события актуализируется с помощью одних и тех же языковых средств – имен собственных, наречий места и словоформ с предлогами.

## 2.5. Репрезентация субъекта и объекта события в “A Series of Unfortunate Events”

Погрузившись в произведения, читатель поймет, сколько несчастий выпало на долю сирот Бодлер. Детей похищали, они становились жертвами подлых насмешек, их бросали в клетку, заставляли прислуживать другим

людям и т.д. Соответственно, наиболее очевидной точкой зрения является то, что главные герои “A Series of Unfortunate Events” и есть объекты всех событий, что с ними произошли.

Объект события репрезентируется в “A Series of Unfortunate Events” разными языковыми единицами, обозначающими одну и ту же группу людей – сирот Бодлер. Наиболее часто встречаются следующие языковые единицы:

1) словосочетание *the Baudelaire orphans* либо отдельная лексема *orphans*:

*“Klaus took Violet's other hand, and Sunny took Klaus's other hand, and in that manner the three Baudelaire children-**the Baudelaire orphans**, now-were led away from the beach and from their previous lives.”*

*“As I'm sure you know, to be in one's own room, in one's own bed, can often make a bleak situation a little better, but the beds of **the Baudelaire orphans** had been reduced to charred rubble.”*

*““I'm just disciplining these **orphans**,” Count Olaf said. “I asked them to make dinner, and all they have made is some disgusting sauce.””*

*“The theater troupe was talking and cackling, drinking again and again from their wine cups and paying no attention to **the Baudelaire orphans** as they circled the table serving everyone dinner.”*

*“She was staring at his feet, and could see the tattooed eye that had been watching **the Baudelaire orphans** since their troubles had begun.”*  
(Snicket, 1999a)

*“Mr. Poe couldn't think of anything else to say that might have comforted **the Baudelaire orphans**, but I wish now that I had the power to go back in time and speak to these three sobbing children.”* (Snicket, 2000a)

*“But the lumbering creature had no concern for the wishes of **the Baudelaire orphans**.”* (Snicket, 2000a)

2) фамилия главных героев *The Baudelaires*:

*“And Sunny bit Pretty Penny's head over and over, but no matter how long she bit it she couldn't think of anything to ease **the Baudelaires' worries**.”*

*“If I could, I could tell **the Baudelaires** that like earthquakes and puppet shows, their tears were occurring not only without warning but without good reason.”*

*“He knew Captain Sham would come and retrieve **the Baudelaires** as soon as he could, so he had to get right to work.” (Snicket, 2000a)*

3) лексема *siblings*, а также различные варианты словосочетаний с данной лексемой:

*“...what would happen to her and what was happening to her **older siblings**, as she heard their screams getting fainter and fainter as the car drove farther and farther away.”*

*“Many of the students at the school had been quite mean to **the three siblings** – particularly a very nasty girl named Carmelita Spats – but Isadora and Duncan had been very kind...”*

*“Carmelita had taken an instant dislike to **the three siblings**, calling them unpleasant names and generally making life miserable at the academy.”*

*‘...this reminded Sunny of all the sinister secrets that surrounded **the three siblings**, and how far they were from understanding the web of mystery in which they found themselves.’*

*“The Baudelaires' dignity was taken from them, on the occasions when **the siblings** were forced to wear absurd disguises...” (Snicket, 2003)*

4) местоимение *them*:

*“And they knew there were people in the world who would not help **them** – villainous people, and their number seemed to be growing as their treachery and wickedness trickled all over the earth, like a dreadful water cycle of woe and despair.”*

*“They had moved away from a village intent on burning **them** at the stake, and they had moved into a hospital that had burst into flames around **them**.”*

*“If you were to read what happened to **them** in the moments that followed, you would find yourself unable to sleep as you wept into your pillow and pictured*

*the children all alone in that grim grotto, drifting slowly to the end of the cavern...”*

*“The mushrooms only ventured halfway up the slope of sand, so it seemed that the poisonous fungus was not going to engulf **them** – not yet, anyway.”*

(Snicket, 2004)

Отталкиваясь от того, что Бодлеры, прошедшие через столько несчастий, являются объектами событий, произошедших с ними, мы можем предположить, что субъектами событий являются все отрицательные персонажи серии, так называемые злодеи, из-за которых пострадали главные герои.

Субъект события в первую очередь находит свое отражение в именах собственных, а именно в именах конкретных людей. Самым ярким примером является Граф Олаф – злобный и коварный преступник, который пытается заполучить состояние сирот Бодлер, оставленное им их родителями.

*“Instead of toys, books, or other things to amuse the youngsters, **Count Olaf** had provided a small pile of rocks.”*

*“With their kind parents dead and **Count Olaf** treating them so abominably, the three children were not used to kindness from adults, and weren't sure if they were expected to do anything back.”*

*“**Count Olaf** looked down at Klaus and smiled a terrible, toothy grin, raising the wailing Sunny up even higher in the air.”* (Snicket, 1999a)

В вышеприведенных примерах имя Графа Олафа фигурирует в совокупности с его конкретными действиями по отношению к сиротам. Однако Граф Олаф как субъект события также находит свое отражение в следующем примере:

*“It would not describe somebody who provides one bed for three people to sleep in, forces them to do horrible chores, and strikes them across the face.”*

(Snicket, 1999a)

В этом предложении говорится именно о Графе Олафе, однако его имя нигде не упоминается. Здесь Граф Олаф репрезентируется как субъект

события с помощью описательного предложения, в котором фигурирует неопределенное местоимение *somebody*.

Другим ярким примером отрицательного персонажа, выступающего субъектом события, является Кармелита Спатс – невоспитанная высокомерная ученица Пруфрокской школы, которая издевалась над сиротами во время их пребывания там.

*“Don't even think of eating around here, you cakesniffers!” Carmelita Spats cried, and several of her rude, filthy, violent friends nodded in agreement. “Nobody wants to have lunch with people who live in the Orphans Shack!”*

*“Carmelita Spats sat right behind Violet, and every few minutes she would lean forward and poke Violet with a stick she had found on the lawn. “Orphan,” she would whisper and poke Violet with the stick...”* (Snicket, 2000c)

В примерах мы видим, что субъект события актуализируется как в имени собственном, так и в личном местоимении *she*.

Также субъект события может находить свое отражение в собирательном существительном *people*, которое может стоять в совокупности с: оценочными прилагательными; указательным местоимением *these*, свидетельствующее о том, что речь идет о конкретных людях; количественными числительными; фрагментами, описывающими людей, о которых идет речь.

*““We can try a little peer pressure of our own,” Violet said firmly. “We've defeated worse people than Ishmael with far fewer materials.””* (Snicket, 2006)

*“Baudelaires, climb aboard. Let's leave these terrible people behind us.”* (Snicket, 2001b)

*““She is not!” Klaus said, and brushed Violet's hair out of her eyes so that everyone could see she was not Laura V. Bleediotie. “These terrible people disguised her as a patient, so they could cut her head off!””* (Snicket, 2001c)

*“They were thirsty, lost, and exhausted, which are three good reasons to end a long walk, but they were also frightened, desperate, and not far from people who wanted to hurt them, which are three good reasons to continue.”* (Snicket, 2001c)



*“The seven or eight people laughed, and shouted cruel names, and made terrible and tasteless jokes, and one woman even threw her cold beverage...”*  
(Snicket, 2002)

Таким образом, в рамках “A Series of Unfortunate Events” объектом события являются сироты Бодлер. Как объект события они актуализируются как с помощью отдельных лексем, куда входят и имена собственные, и нарицательные, так и с помощью словосочетаний. Также они находят свое отражение в местоимении *them*. Субъектами события являются отрицательные персонажи, из-за которых пострадали главные герои произведений. Как субъекты события они актуализируются в именах собственных, как и объект события, а также в местоимениях разных разрядов и в собирательном существительном *people*, при котором могут стоять различные части речи в зависимости от контекста. Как и в случае с предыдущей составляющей структуры события, во всех 13 книгах серии, как в макрособытиях, объект и субъект события актуализируются с помощью одних и тех же языковых средств: объект события находит свое отражение в отдельных лексемах, куда входят имена собственные, словосочетаниях, и в местоимении *them*; субъект события находит свое отражение в именах собственных, как и объект события, а также в местоимениях разных разрядов и в собирательном существительном *people* в сопровождении различных частей речи.

## 2.6. Репрезентация результата события в “A Series of Unfortunate Events”

Результат события является не менее важной составляющей структуры события, чем объект, субъект или пространственная локализация события. Результат можно понимать как определенное последствие, то, что является следствием какого-либо действия, явления и т.п. [БТСРЯ, 1998]. Однако в тексте результат события представляется менее четко, чем другие

составляющие. Следовательно, актуализация результата события в “A Series of Unfortunate Events” зависит от того, о каком именно событии идет речь.

К примеру, результатом грубого и недостойного обращения, которое не раз испытали на себе Вайолет, Клаус и Солнышко Бодлер, являются эмоциональные потрясения главных героев, которые отражены в следующих примерах:

*“Needless to say, Sunny was very frightened and **began crying** immediately, **too scared** to even try to bite the hand that held her.”*

*“The moonlight shone through the window, and if anyone had looked into the Baudelaire orphans' bedroom, they would have seen three children **crying quietly** all night long.”*

*“Klaus **began to sob**, not so much from the **pain** but from **rage** at the terrible situation they were in. Violet and Sunny **cried** with him, and **they continued weeping** as they washed the dishes...”*

*“Only Violet **didn't cry**, but merely trembled with **fear** and **revulsion**...”*  
(Snicket, 1999a)

Данные примеры свидетельствуют о том, что эмоциональные потрясения как результат события актуализируются в таких глаголах как *to weep*, *to sob* и *to cry*. Эмоциональные потрясения главных героев как результат события также актуализируются в именах существительных, обозначающих токсичные эмоции такие, как *pain*, *rage*, *fear*, *revulsion*.

Результат события также актуализируется в словах-связках которые обозначают результат. Наиболее часто встречающимся словом-связкой в “A Series of Unfortunate Events” является слово *so*, после которого в большинстве случаев стоит грамматическая основа, подразумевающая то или иное действие героев произведений:

*““Maybe Count Olaf is trying to prove that we're insane, **so he'd get the money**,” Violet said.””* (Snicket, 1999a)

*“He was in charge of overseeing the orphans' affairs, so it was he who decided that the children would be placed in the care of a distant relative in the country after all the unpleasantness with Count Olaf”.* (Snicket, 1999b)

*“Stephano kept the children under his constant surveillance, a phrase which here means “kept watching them so they couldn't possibly talk to Uncle Monty alone and reveal that he was really Count Olaf,””* (Snicket, 1999b)

На следующем месте по частотности употребления стоят различные вариации фраз с лексемой *result*:

*“...and these circumstances are unlikely to result in any sleeping at all”.* (Snicket, 2002)

*“As a result, the Baudelaire balancing act was a wobbly one.”* (Snicket, 2001b)

*“Sadly, as part of their disguise it had been necessary to assist Count Olaf in burning down the carnival, and now they could see the fruits of their labors, a phrase which here means “the results of the terrible thing they did, even though they did not mean to do it at all.””* (Snicket, 2004)

В серии книг встречаются и другие подобные слова-связки, однако намного реже. К ним относится слово-связка *therefore*:

*““You're right,” she said finally, to Count Olaf, “this marriage, unfortunately, is completely legal. Violet said “I do,” and signed her name here on this paper. Count Olaf, you are Violet's husband, and therefore in complete control of her estate.””* (Snicket, 1999a)

*““Look, I'm the vice principal,” the vice principal said. “I say the Baudelaires were cheating, and therefore – hooray! – I can expel them.””* (Snicket, 2000c)

Результат также находит свое отражение в некоторых лексемах с семантикой результата. Нами было выявлено четыре лексемы, которые наиболее емко отражают результат всего того, что происходит с сиротами Бодлер на протяжении всей серии книг:

1) accident в сочетании с такими прилагательными-усилителями, как *terrible, ghastly, violent* и др:

*“I am Dr. Lucafont,” the tall man said, pointing to himself with a big, solid hand. “I received a call that there's been **a terrible accident** involving a snake.”*” (Snicket, 1999b)

*“Such was the case at this moment, for when Dr. Orwell stepped backward, she stepped into the path of the whirring saw, and there was **a very ghastly accident** indeed.”* (Snicket, 2000b)

*“The Baudelaires had learned the worst thing that could happen at a lumbermill, which was being forced to cause **a violent accident** through the sinister power of hypnotism.”* (Snicket, 2005)

2) trouble, отдельно или в составе выражения *to be in trouble*:

*“They were so relieved that something had finally gone right that they laughed as if they were at the circus instead of in the middle of a lake, in the middle of a hurricane, in the middle of **trouble**.”* (Snicket, 2000a)

*“**The trouble** had begun so quickly that Violet had only a few scribblings on one of the sheets...”* (Snicket, 1999b)

*“Klaus **was** clearly **in trouble**, and Violet could not shake the feeling that it was her responsibility to get him out of it.”* (Snicket, 2000b)

3) misery:

*“...but the tables of the Baudelaires' lives seemed stuck, with the children always in **a position of misery** and sorrow while wickedness seemed to triumph all around them.”* (Snicket, 2004)

*“Even though Count Olaf was of course the cause of **all this misery**, Violet felt as if she had broken her promise to her parents, and vowed to make it right.”* (Snicket, 1999a)

*“It wasn't fair that they moved from relative to relative, with terrible things happening at each of their new homes, as if the Baudelaires were riding on some horrible bus that stopped only at stations of unfairness and **misery**.”* (Snicket, 2000a)

4) *disaster* в сочетании с прилагательным усилителем *utter*:

*“His two main duties were finding the orphans a good home and protecting the enormous fortune that the children's parents had left behind, and so far each home had been a catastrophe, a word which here means “an utter disaster involving tragedy, deception, and Count Olaf.””* (Snicket, 2000b)

Таким образом, результат события преимущественно актуализируется на уровне лексем, однако в каких именно лексемах актуализируется результат события, зависит от того, о каком именно событии идет речь. Результат события актуализируется в глаголах (*to weep, to sob* и *to cry*) и именах существительных (*pain, rage, fear, revulsion* и др.), обозначающих эмоциональные потрясения; в словах-связках, самым часто употребляемым из которых является слово *so*; в некоторых лексемах, которые не только имеют семантику результата в определенном контексте, но и емко отражают результат всего, что происходит с главными героями серии книг. Во всех 13 книгах серии результат события актуализируется в одних и тех же языковых единицах.

## 2.7. Репрезентация оценочной составляющей события в “A Series of Unfortunate Events”

Заключительной составляющей, которая находит свою репрезентацию в серии книг Д. Хэндлера “A Series of Unfortunate Events”, является оценочная. Как пишет О.К. Ирисханова, именно оценочная составляющая превращает любую ситуацию в событие, поэтому значимость этой составляющей события отрицать нельзя.

Необходимо упомянуть, где именно в языке скрывается его оценочный аспект. Его можно обнаружить в семантике слов, которыми мы оперируем, чтобы дать оценку происходящему.

В семантике слова принято выделять несколько слоев. Первый денотативный слой формируется на соотношении знак-действительность.

Данный слой – это передаваемая словом или морфемой информация о внеязыковой действительности, о реальном или воображаемом мире [Горбунова, 2013]. Например, собственное имя Сахара называет пустыню Сахару, а сама пустыня является денотатом слова Сахара. Следующим слоем семантики слова является сигнификативный слой, формирующийся на соотношении знак-мысль. Сигнификативный слой значения отражает совокупность существенных признаков того или иного объекта, за счет которых он отличается от представителей другого класса объектов. На основании обобщения этих признаков формируется понятие об объекте [Горбунова, 2013]. Третьим слоем, выделяемым в семантике слова, является прагматический слой, который формируется на соотношении знак-пользователь. В зависимости от того кто и как использует те или иные знаки в процессе коммуникации, они начинают приобретать прагматические функции. Сам прагматический слой значения знака состоит из информации, непосредственно не связанная с предметом разговора, не отражающая номинируемый объект. Это может быть информация о коммуникативной ситуации или целях общения, т. е. о том, что связано с целенаправленным использованием языкового знака. Именно в прагматическом аспекте значения языкового знака может содержаться информация об отношении говорящего к объекту, о котором идет речь, которое в некоторых случаях проявляется как положительная или отрицательная оценка [Там же, 2013].

Если говорить об оценочном аспекте в “A Series of Unfortunate Events”, то можно с уверенностью сказать, что все, что происходит в книгах проходит через аксиологическую призму трех главных героев – Вайолет, Клауса и Солнышка Бодлер. На долю детей выпало множество несчастий с тех самых пор, как умерли их родители. Они многое увидели, услышали и прочувствовали. Осознанно или нет, они давали оценку всему тому, что с ними происходило, всем людям, что встречались на их пути, всем неприятным обстоятельствам, жилищным условиям и т.д. Оценочная

составляющая в “A Series of Unfortunate Events” актуализируется на уровне лексем, а именно имен прилагательных.

Как было отмечено ранее преобладающим оценочным признаком является признак «хорошо»/«плохо». О.К. Ирисханова называет этот признак общей оценкой (см. Схема 4). Обнаруженные нами прилагательные попадают на аксиологическую шкалу по данному признаку, и мы полагаем, что в произведениях преобладает общая отрицательная оценка происходящего со стороны детей, так как все обнаруженные нами оценочные прилагательные носят отрицательную коннотацию: *terrible* (345), *difficult* (221), *dreadful* (111), *bad* (96), *wicked* (93), *evil* (86), *treacherous* (81), *sinister* (76), *villainous* (74), *dangerous* (72), *miserable* (63), *unpleasant* (61), *horrible* (59), *unfortunate* (59), *nasty* (55), *filthy* (53), *desperate* (44), *confusing* (40), *cruel* (40), *rude* (36), *awful* (27), *violent* (25), *frightening* (24), *tedious* (21), *terrifying* (20), *ghastly* (19), *gloomy* (19), *uncomfortable* (18), *vicious* (18), *frantic* (17), *notorious* (15), *woeful* (13), *unfair* (12), *disgusting* (10), *atrocious* (7), *dastardly* (7), *distressing* (6), *desolate* (5), *tragic* (4), *troubling* (3), *bleak* (2), *dismaying* (2), *mean-spirited* (2), *dire* (1), *pathetic* (1), *shady* (1).

Таким образом, оценочный аспект языка скрывается в прагматическом слое значения слова, который содержит в себе информацию об отношении говорящего к окружающему его миру. Учитывая то, что отношение говорящего к действительности может проявляться как положительная или отрицательная оценка, и что оценочный признак «хорошо»/«плохо» является ведущим, можно сделать вывод о том, что в серии книг Д. Хэндлера “A Series of Unfortunate Events” на первый план выходит общая отрицательная оценка происходящего. Об этом свидетельствуют носящие отрицательную коннотацию прилагательные, которые главные герои используют, чтобы дать оценку всему тому, что с ними происходит. Соответственно в них и актуализируется оценочная составляющая события MISFORTUNE.

## ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

- В ходе дефиниционного анализа лексемы *misfortune* было выявлено, что ее первичные значения сохранились, но со временем к ним добавилось множество новых. Дефиниционный анализ также показал, что *misfortune* может рассматриваться как событие, цепь событий, инцидент, несчастный случай, состояние/положение дел и ситуация. В процессе корпусного анализа лексемы *misfortune* были выявлены коллокации, указывающие на то, что *misfortune* – это вызывающее бурю эмоций масштабное явление, которое может коснуться самых разнообразных групп людей. Все рассмотренные коллокации предполагают наличие отрицательной коннотации *misfortune* как явления в американском сознании. Также путем анализа определенных текстовых примеров и сбора статистических сведений о конкретных словосочетаниях и лексемах удалось выяснить, что для автора “A Series of Unfortunate Events” Д. Хэндлера MISFORTUNE – это цепь событий, что является особенной идиостилевой чертой писателя.

- Концепт СОБЫТИЕ является одним из базовых концептов для носителей любой культуры. В общечеловеческом сознании само событие закрепляется с помощью сложной структуры, своеобразной модели-схемы, которые могут существовать в таких формах, как скрипт, пропозиция, фрейм и сценарий.

- Каждая книга завершается письмами Лемони Сникета – автор серии книг “A Series of Unfortunate Events” – которые указывают на то, что он проводил расследование и выяснял подробности жизни сирот с целью письменно зафиксировать собранную им информацию. Содержание данных писем позволяет нам утверждать, что Лемони Сникет является косвенным наблюдателем всех несчастий, произошедших с сиротами Бодлер.

- Пространственная локализация события как составляющая структуры события репрезентируется в серии книг “A Series of Unfortunate Events” на лексическом уровне с помощью лексем, являющихся частью названий книг



серии, имен собственных, присущих миру внутри произведений и наречий места, и на морфологическом уровне с помощью словоформ с предлогами. Во всех произведениях серии пространственная локализация события актуализируется при помощи одних и тех же языковых единиц.

- В рамках “A Series of Unfortunate Events” объектом события являются сироты Бодлер. Как объект события они актуализируются как в отдельных лексемах, так и в словосочетаниях. Также они находят свое отражение в местоимении *them*. Субъектами события являются отрицательные персонажи, досаждавшие главным героям произведений. Как субъекты события они актуализируются, в именах собственных, местоимениях разных разрядов и в собирательном существительном *people*, которое сопровождается различными частями речи в зависимости от контекста. Во всех произведениях серии объект и субъект события актуализируются в одних и тех же языковых единицах.

- Результат события преимущественно актуализируется на уровне лексем, а именно в глаголах (*to weep, to sob* и *to cry*) и именах существительных (*pain, rage, fear, revulsion* и др.), обозначающих эмоциональные потрясения; в словах-связках, самым часто употребляемым из которых является слово *so*; в некоторых лексемах, которые не только имеют семантику результата, но и емко отражают результат всего, что происходит с главными героями серии книг. Во всех произведениях серии результат события актуализируется в одних и тех же языковых единицах.

- Главные герои серии книг Д. Хэндлера “A Series of Unfortunate Events” дают преимущественно отрицательную оценку всему происходящему, о чем свидетельствуют носящие отрицательную коннотацию прилагательные, которые встречаются на протяжении всей серии книг. Соответственно в них и актуализируется оценочная составляющая события MISFORTUNE.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данного исследования являлось комплексное описание концепта MISFORTUNE и языковых средств его актуализации в идиостиле Д. Хэндлера.

Концептуализация поступающей извне информации происходит в нашем сознании с помощью собственно-познавательных процессов, которые отвечают за получение, переработку и воспроизведение информации об окружающей действительности, а также за закрепление ее в оперативных единицах знания, именуемых концептами.

Четкое определение термина «концепт» до сих пор является актуальной проблемой для лингвистического сообщества. Среди всего многообразия подходов к определению термина выделяются два ведущих подхода: когнитивный и лингвокультурологический. Исследователи художественного текста вводят термин «художественный концепт», что является единицей сознания писателя, которая находит репрезентацию в художественном произведении.

Концепт, будучи многоуровневым ментальным образованием, имеет сложную структуру. Многие исследователи считают, что в структуру концепта входит минимум три составляющие, а именно образ, а также определенная понятийная/информативная составляющая. Ученые также выделяют в структуре концепта прочие составляющие, зависящие от фокуса их исследования.

В настоящее время существует множество типологий концептов, в основе которых лежат самые разнообразные признаки. Исследуемый нами концепт MISFORTUNE был рассмотрен в рамках типологии художественных концептов, так как концепт исследовался на базе художественного текста.

Необходимость изучения концептов как ментальных единиц привело к формированию различных методов их исследования. Все они носят

комплексный и взаимодополняющий характер, и их можно применять в совокупности друг с другом.

Помимо термина «концепт» был также рассмотрен термин «идиостиль» являющийся предметом исследования многих ученых на протяжении большого периода времени. Опираясь на наиболее распространенный подход к пониманию термина, идиостиль можно назвать системой принципов моделирования представлений писателя о действительности посредством отбора языковых единиц.

Одним из громких имен современной детской литературы является Д. Хэндлер. Написанная им серия книг “A Series of Unfortunate Events” стала материалом нашего исследования. Несчастье и неудача словно преследуют главных героев – Вайолет, Клауса и Солнышко Бодлер. Именно поэтому эта серия книг является достойным материалом для описания концепта MISFORTUNE.

Первым этапом нашего исследования стало исследование особенностей семантики имени изучаемого концепта. Дефиниционный анализ лексемы *misfortune* показал, что данная лексема не только обладает обширным семантическим полем, но и может рассматриваться как событие, цепь событий, инцидент, несчастный случай, состояние/положение дел и ситуация. В ходе корпусного анализа лексемы были выявлены три группы коллокаций, указывающие на то, что *misfortune* – это вызывающее бурю эмоций масштабное явление, которое может коснуться самых разнообразных групп людей, и предполагающие наличие отрицательной коннотации *misfortune* как явления в американском сознании. Д. Хэндлер, будучи американским писателем, также понимает концепт MISFORTUNE не просто как событие, а как цепь событий, что подтверждает анализ примеров и сбор статистических данных о конкретных лексемах и словосочетаниях, входящих в написанную Д. Хэндлером серию книг “A Series of Unfortunate Events”. Соответственно, то, что Д. Хэндлер понимает MISFORTUNE как цепь событий является его особенной идиостилевой чертой.

Следующим этапом исследования стало рассмотрение понятия «событие» в лингвистических исследованиях и особенностей структуры события. Согласно как отечественным, так и зарубежным исследователям, событие может закрепляться в общечеловеческом сознании в виде скрипта, пропозиции, фрейма и сценария. В рамках нашей работы мы придерживались сценария как наиболее динамичной структурной модели события и как обладающей наиболее важными для построения произошедшего составляющими.

Важно отметить, что мы бы никогда не смогли узнать о каких-либо событиях, если бы они не были в той или иной мере зафиксированы наблюдателем. В “A Series of Unfortunate Events” Лемони Сникет является косвенным наблюдателем всех несчастий, произошедших с главными героями произведений сиротами Бодлер.

В связи с ограниченным объемом работы для дальнейшего исследования нами были выбраны четыре основных составляющих сценария события – пространственная локализация, объект, субъект и результат. Если рассматривать каждую книгу серии “A Series of Unfortunate Events” как отдельное макрособытие, то можно сделать вывод о том, что каждая из перечисленных составляющих сценарной структуры события актуализируется в одних и тех же языковых единицах. Пространственная локализация находит свое отражение в именах собственных, наречиях места и словоформах с предлогами. Объект события актуализируется как с помощью отдельных лексем, куда входят и имена собственные, и нарицательные, так и с помощью словосочетаний. Также объект находит свое отражение в местоимении *them*. Субъект события находит свое отражение в именах собственных, а также в местоимениях разных разрядов и в собирательном существительном *people* в сопровождении различных частей речи. Наконец, результат актуализируется в глаголах и именах существительных, обозначающих эмоциональное потрясение, в словах связках и в ряде лексем с семантикой результата.

Еще одной ключевой составляющей события является оценочная, ведь именно она превращает любую ситуацию в событие. Данная составляющая актуализируется в оценочных прилагательных с отрицательной коннотацией, которые используют главные герои произведения, чтобы дать оценку всему, что с ними происходит.

Проведенное нами исследование привело нас к определенному заключению. Обширное семантическое поле имени изучаемого концепта, актуализация ключевых составляющих сценарной структуры события в серии книг “A Series of Unfortunate Events”, а также наличие в ней оценочной составляющей, за которой скрывается мощный спектр эмоций, и присутствие в произведениях косвенного наблюдателя, фиксирующего все, что происходит, подтверждают тот факт, что для автора серии Д. Хэндлера MISFORTUNE – это цепь событий с определенной структурой, вызывающая отрицательные эмоции и имеющая последствия преимущественно отрицательного характера.

Поскольку данное исследование представляет собой исследования концепта, предполагающего отрицательные эмоции, в идиостиле американского писателя, дальнейшую перспективу исследования мы видим в более глубоком исследовании концепта MISFORTUNE в идиостиле британских писателей, а также в изучении концептов, предполагающих положительные эмоции, в творчестве Д. Хэндлера.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово / Русская речь. Новая серия. Вып. 2. 1928. С. 28 – 44.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико–фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Воронеж, 1997. 330 с.
3. Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 220 с.
4. Бобина А.Г. Идиостиль Владимира Высоцкого: субъектная структура и хронотоп: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2013. 26 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов, 2014. С. 33 – 56.
6. Болдырев Н.Н. Язык как система репрезентации знаний: концептуальная основа знаний / Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 43 – 61.
7. Бронникова О.В. Концепт *событие* в английском языке и способы его интерпретации / Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 9 (405). Филологические науки. Вып. 108. С. 11 – 19.
8. Бухина О.Б. Американская и российская детская литература начала XXI в. Разнообразие возможностей / Библиосфера. 2020. Вып. 4. С. 80 – 88.
9. Ващеулова А.С. Концепты HAPPINESS vs. UNHAPPINESS и их актуализация в дискурсе / Вестник НГУ, 2012. Т. 10, Вып. 1. С. 105 – 113.
10. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.

11. Видинеева Н.Ю., Скворцова И.О. О способах актуализации концептов / международный научный журнал «Символ науки». 2016. Вып. 10. С. 69 – 72.
12. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
13. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
14. Воркачев С.Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии / Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 12. Воронеж, 2014. С. 50 – 69.
15. Гладких Ю.И. Лингвокультурологические теории актуализации концепта / Вестник Пермского Университета. 2012. Вып. 2 (18). С. 35 – 42.
16. Горбунова Л. И. Язык как знаковая система особого рода : учеб. пособие / Л. И. Горбунова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 108 с.
17. Давыдова Е.А. Категория «событие»: онтологический и лингвистический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 24 с.
18. Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста / Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. Вып. 4. С. 320 – 329.
19. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 606 – 622.
20. Добричев С.А. и др. Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней: монография / Барнаул: АлтГПА, 2013. 243 с.
21. Дотмурзиева З.С. Концепт и методы его исследования в современной лингвистике // Актуальные вопросы современной науки. 2013. С. 197 – 200.

22. Егор Михайлов. «33 несчастья» Лемони Сникета: все, что нужно знать накануне ТВ-премьеры [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://btfr.cc/ynw> (дата обращения 10.08.2019).
23. Заботкина В.И. Антропоцентризм в репрезентации событий: ментальные модели и дискурс / Когнитив. исслед. яз. 2016. Вып. XXVII. С. 45 – 50.
24. Ирисханова О.К. Семантика событийных имен существительных в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 24с.
25. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
26. Карасик В.И. Иная ментальность / М.: Гнозис, 2005. 352 с.
27. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 13 – 15.
28. Караулов Ю.Н. и др. Слово Достоевского. Сборник статей / Под ред. Ю.Н. Караулова. Институт русского языка РАН. М., 1996. 304 с.
29. Козлова Л.А. Понятие лексической парадигмы номинации и его экспланаторный потенциал / Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц. Барнаул, 2004. 6 с.
30. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 147 с.
31. Кононова И.В. Структура лингвокультурного концепта: способы языковой и дискурсивной объективации / Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. Вып. 5 (24). 2014. 11 с.
32. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог–МГУ, 1998. 352 с.
33. Ларионова М.А. Лингвокогнитивное представление событийности в экономическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2017. С. 31 – 39.



34. Левченкова О.С. Детская литература // Большая Российская Энциклопедия (БРЭ) [Электронный ресурс]. 2016. URL: [https://w.histrf.ru/articles/article/show/dietskaia\\_litieratura](https://w.histrf.ru/articles/article/show/dietskaia_litieratura) (дата обращения 10.08.2019).
35. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. Вып. 1. С. 3 – 9.
36. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке. М.; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. 223 с.
37. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие / М.: Академия, 2001. 208 с.
38. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. Вып. 4. С. 39 – 45.
39. Михайлова О.С. Идиостиль Е. Евтушенко в аспекте теории мотивации: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: Том. гос. ун-т. Томск, 2005. 21 с.
40. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) : учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1983. 127 с.
41. Оганян Н.Б. Антонимия как признак идиостиля: на материале текстов произведений Дэна Брауна: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: Ростов-на-Дону, 2017. 22 с.
42. О методах исследования концепта Валеева Динара Рашидовна [Электронный ресурс]. 2018. URL: <http://scipress.ru/philology/articles/o-metodakh-issledovaniya-kontsepta.html> (дата обращения 16.01.2020).
43. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. 2013. Т.2. Вып. 2 (54). С. 127 – 131.
44. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико–когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007. 250 с.
45. Прохорова И. Детская литература: обмен мнениями [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://snob.ru/selected/entry/115456/> (дата обращения 10.08.2019)

46. Резникова С.С. Концепт «СОБЫТИЕ» и способы его вербальной репрезентации в СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 24 с.
47. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2007. 713 с.
48. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Волгоград, 2004. 340 с.
49. Спивакова Е.М. Язык цвета в идиостиле А. Блока: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009. 23 с.
50. Старкова Е.В. Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестник Вятского Государственного Гуманитарного Университета. 2015. С. 75 – 81.
51. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3–е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42 – 67.
52. Стернин И.А. Методика исследования концепта / Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 58 – 65.
53. Чехов Н.В. Введение в детскую литературу // Детские чтения. Серия: языкознание и литературоведение. 2012. С. 9 – 13.
54. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 78 – 100.
55. suhan\_lich. Лемони Сникет (Lemony Snicket) [Электронный ресурс]. URL: <https://fantlab.ru/autor9392> (дата обращения 15.04.2020).
56. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things / University of Chicago Press, 1990. 631 p.
57. Schank R.C. Scripts, plans, goals and understanding : an inquiry into human knowledge structures / Hillsdale, 1977. 248 p.

58. Talmy L. Figure and ground complex sentences // Universals of human language / J. Greenberg, Ch. Ferguson, E. Moravcsik (eds.). Stanford (CA): Stanford University Press, 1978. P. 625 – 649.

59. Talmy L. Path to realization: a typology of event conflation // Proceedings of the Berkley Linguistic Society. Berkley (CA): Vol. 17. University of California Press, 1991. P. 480 – 519.

60. Webb W.G. Neurology for the Speech-Language Pathologist (Sixth Edition), 2017. P. 93 – 109.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Поле // Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. 1998. URL <https://bit.ly/2ArJvZk> (дата обращения 25.05.2020).
2. Результат // Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. 1998. URL <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 17.05.2021).
3. Misfortune // Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] URL <https://www.etymonline.com/> (дата обращения 18.03.2021).
4. Misfortune // Oxford Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. URL <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 18.03.2021).
5. Misfortune // Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 18.03.2021).
6. Misfortune // Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения 18.03.2021).
7. Misfortune // Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 18.03.2021).
8. Misfortune // Collins Dictionary [Электронный ресурс]. URL <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения 18.03.2021).
9. Misfortune // Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 18.03.2021).

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Snicket L. The Bad Beginning. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 1999a. 162 p.
2. Snicket L. The Reptile Room. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 1999b. 190 p.
3. Snicket L. The Wide Window. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 2000a. 214 p.
4. Snicket L. The Miserable Mill. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 2000b. 195 p.
5. Snicket L. The Austere Academy. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 2000c. 225 p.
6. Snicket L. The Ersatz Elevator. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 2001a. 259 p.
7. Snicket L. The Vile Village. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 2001b. 256 p.
8. Snicket L. The Hostile Hospital. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 2001c. 255 p.
9. Snicket L. The Carnivorous Carnival. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 2002. 286 p.
10. Snicket L. The Slippery Slope. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 2003. 337 p.
11. Snicket L. The Grim Grotto. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 2004. 323 p.
12. Snicket L. The Penultimate Peril. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 2005. 353 p.
13. Snicket L. The End. A Series of Unfortunate Events. HarperCollins, 2006. 324 p.




Федеральное государственное автономное  
образовательное учреждение  
высшего образования  
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации  
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации  
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой ТГЯиМКК

 О.В. Магировская

« 23 » июля 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

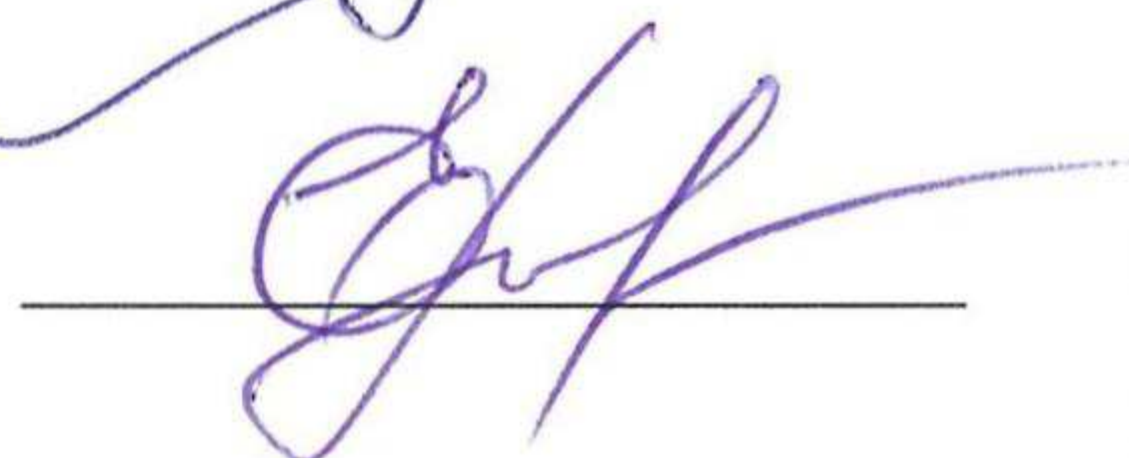
**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *MISFORTUNE* В ИДИОСТИЛЕ  
Д. ХЭНДЛЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ КНИГ  
“A SERIES OF UNFORTUNATE EVENTS”)**

Выпускник



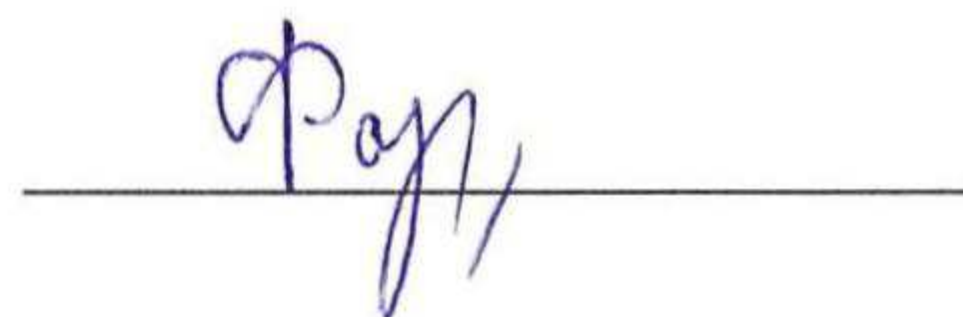
Е.И. Абакумова

Научный руководитель



канд. пед. наук,  
доц. каф. ТГЯиМКК  
Е.В. Еремина

Нормоконтролер



М.В. Файзулаева

Красноярск 2021